

Леонид Волчек

ОТ

16+

Сборник фантастических историй

Леонид Волчек

Огг

«Автор»

2020

Волчек Л. Е.

Огг / Л. Е. Волчек — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-03175-3

Сборник фантастических произведений, включающий в себя две повести "Эльф", "Промах" и ранние рассказы. Рассчитан на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-532-03175-3

© Волчек Л. Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Эльф	5
1	5
2	10
3	16
4	19
5	27
6	33
7	37
8	41
9	47
10	52
11	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Леонид Волчек

Огг

Эльф

1

– Па, расскажи нам сказку.

– О чём?

– Не знаю.

Арсений приподнялся на локте, а Евгений растянул рот в улыбке, не отрывая головы от подушки. Оба прекрасно знали, что мой вопрос был косвенным согласием и сказки им не избежать. Почему они любили мои сказки, которые получались у меня слишком заумными и может быть даже немножко нудными, я так до сих пор и не понял. Ну, да ладно. Сказку, так сказку.

– Так всё-таки о чём? – спросил я, хотя для себя уже давно решил, о чем будет рассказ: – решайте, пока я добрый.

– Расскажи о путешествиях, – Арсений уже сидел на постели, закутавшись в одеяло, – о приключениях.

– Вообще-то, любая сказка повествует о приключениях.

– О путешествиях и приключениях во времени, – Арсений был явно доволен своей выдумкой, а немногословный Женька заулыбался ещё шире в знак согласия со старшим братом.

– Вы сами каждый день путешествуете во времени, – я решил поумничать и заодно набить себе цену: – вы заснёте сегодня, а через мгновение проснётесь завтра утром. Если приснится сон, то путешествие во времени пройдёт с приключениями.

– Ну, па! – Арся явно горел нетерпением.

– Ладно, ладно, так и быть...

Пятидесятитысячная галльская армия разместилась в Алезии. Всего несколько месяцев назад Верцингеторикс нанёс поражение войскам Цезаря в битве при Герговии и чувствовал себя хозяином положения до тех пор, пока Цезарь и Тит Лабиен не заперли его войско в крепости двойным кольцом укреплений. Для Юлия Цезаря поражение при Герговии стало не только самой крупной неудачей в его жизни, но и бесценным опытом. Римляне сделали всё, чтобы не допустить снова такой оплошности. Они соорудили вокруг осаждённой Алезии две линии обороны. Необходимость создания двойной обороны диктовалась тем, что войска Цезаря вели бои глубоко на территории противника. Одна линия защищала римские войска от вылазок галлов из осаждённой крепости, а вторая была сооружена на случай, если к тем, кто находится в осаде, придёт помощь. Римские войска в этом случае сами попадут в окружение.

Именно на случай окружения, каждая из оборонительных линий римлян была обнесена частоколом в четыре метра высотой и окружена глубокими рвами. Такие оборонительные укрепления оказались галлам не по зубам. В итоге, собственный город стал для Верцингеторикса и его соратников ловушкой. Когда в Алезии начался голод, а отчаяние галлов дошло до предела, случилось чудо – на помощь войскам Верцингеторикса пришла объединённая армия галльских племён во главе с Коммием, которая насчитывала ни как не меньше двухсот тысяч человек. Римское войско, как и предчувствовал Цезарь, оказалось зажатое в двойное кольцо, словно в тиски, но от этого не стало менее грозным. Галлы, в свою очередь, были исполнены решимости уничтожить вторгнувшихся в их земли римлян. Каждый из галльских воинов, как

в городе, так и с внешней стороны римских укреплений, понимал, что если не прорвать оборону врага, они проиграют войну и восстание против Римской республики будет подавлено. Но два последующих дня, не смотря на, казалось бы, безудержные атаки галлов, оборона, которую Гай Юлий Цезарь построил вместе со своим другом и соратником Титом Лабиеном, осталась непоколебима.

Арс, юный племянник Виридомара из галльского племени аулерков, был готов к смерти. Ни один человек не смог бы обвинить его в трусости, но на удивление многим, из атак на римлян он выходил без единой царапины, словно всё время отсиживался за спинами других. Когда рог трубил отступление, Арс всегда отходил к своим позициям в числе тех, кто прикрывал откат главного войска. В основном, это были закалённые в битвах матёрые бойцы. Любой случайный зритель, увидев Арса среди них, решил бы, что тот попал в их окружение случайно. Любой, но только не те, кто сражался вместе с ним и уж тем более не те, против кого сражался он. Один из галльских военачальников, пустил по войску слух, что Арс заговорённый и многие из бывалых воинов, превыше всего ценивших доблесть и мужество, в тайне радовались, что заговорённый рубака прикрывает им спины при отходе. Лишь немногие знали, что Арс был учеником самого Эпоредорикса, причем учеником, многократно превзошедшим своего учителя. «Мне бы когарту таких бойцов, – однажды высказался предводитель галлов Верцингеторикс: – Я бы плевал на легионы Цезаря и Тита Лабиена.»

Способность Арса даже в самой жаркой схватке не пролить ни капли собственной крови и казавшаяся со стороны чудом, не была врождённым свойством. К такому поразительному умению привели юношу талант учителя и личная одарённость молодого галла, граничащая с гениальностью. Всё же, его тело, как и тела его соратников, было испещрено шрамами от мечей и кинжалов. Правда, не в таком, как у других количестве, но вполне достаточно, чтобы понять то, что молодой галл может быть уязвим. Все эти шрамы Арс заработал в процессе обучения, во время изматывающих тренировок, но самые страшные шрамы он носил на спине. Эти шрамы ему, ещё пятилетнему ребёнку, оставила рысь.

В галльских семьях детей растили матери. Сын, который ещё не научился владеть оружием, обычно старался не показываться на глаза отцу, но к Арсу, который ещё не прожил своё шестое лето, отец относился благосклонно. Такая благосклонность объяснялась тем, что этот маленький аулерк был на особом попечении друида Тонтиориса. Однажды, погожим летним вечером, Арс втайне от матери убежал встречать отца с охоты. Он бежал по сумрачному лесу, довольный наступившей в конце жаркого дня прохлады. Тропинка то появлялась, то исчезала, но мальчугана это не тревожило, так как он знал, что она непременно приведёт его к отцу, который всегда возвращался по ней с охоты.

Неизвестно, что подвигло рысь сделать засаду невдалеке от человеческого жилища, но так или иначе, она напала на бегущего среди деревьев по лесной тропинке голопузого мальчугана. Рысь наверняка убила бы его, но по счастливой случайности момент нападения увидел возвращавшийся с охоты отец. Ни секунды не колеблясь, он метнул свой охотничий дротик в хищника. Бросок оказался метким. Дротик пригвоздил зверя к земле, при этом оставив на бедре Арса глубокую рану. От нанесённых хищником ран Арс долго хворал. Друид Тонтиорикс отпаивал мальчишку отварами и смазывал раны целебными мазями, но всё равно, израненного Арса лихорадило. Глядя на исполосованную мощными когтями спину, а так же прокусанное насквозь у самой шеи плечо мальчугана, лечивший его друид удручённо качал головой. Но Арс выжил. Выжил, чтобы впоследствии стать непревзойдённым воином.

Случись Арсу родиться задолго до оккупации Лохматой Галлии войсками Римской Республики, он бы непременно стал вождём, способным объединить галльские племена, завоевав себе славу и известность, но судьба распорядилась иначе. На момент, когда Верцингеторикс поднял восстание против Республики, а затем в результате не достаточно умелых действий оказался осаждённым в Алезии, Арсу исполнилось пятнадцать лет. Ростом молодой галл был

примерно сто семьдесят пять сантиметров, около семидесяти килограммов весом и по закону Римской империи он уже год являлся совершеннолетним. По законам галлов он не считался взрослым бойцом, ведь совершеннолетие у галлов наступало только по достижении семнадцати лет. Внешность Арса так же не соответствовала внешности его сверстников. Обладая тонкой прозрачной кожей, которая словно светилась изнутри, он больше походил на миловидную девушку, чем на умелого и уже опытного бойца.

Арс не боялся умереть. В отличие от своих соотечественников он не просто верил в жизнь после смерти, а точно знал, что она существует. В силу собственной психики юноша обладал воспоминаниями о прожитых моментах, которые не могли произойти с ним в реальной жизни. Он был уверен, что живёт двумя жизнями одновременно и даже не догадывался, что часть воспоминаний услужливое подсознание черпало из его собственных сновидений и фантазий, которых юный галл попросту не помнил. Жизнь Арса словно соединялась из двух частей, одна из которых протекала в реальности, а другая – внутри собственной головы. Не являясь ни аутистом, ни шизофреником и существуя по обе стороны черепной коробки, Арс, как ни странно, не делал различий между мнимой и настоящей стороной своего существования. Если спросить его о том, видит ли он сны, он категорически ответил бы «нет». Жизнь словно в двух измерениях совсем не напрягала его, не вызывала отторжения, или опасения. Он никому не рассказывал об этом, считал само собой разумеющимся и в бою шёл на неоправданный риск не в силу безумной храбрости или безрассудства, а по той простой причине, что знал – умерев в этом мире, он останется жить в другом. По этой же причине в бою Арс вёл себя хладнокровно, никогда не проявлял ни гнева, ни злобы. Он всегда был спокоен, не смотря на то, что погибнуть в сражении, где смерть постоянно находилась на расстоянии вытянутой руки сжимающей острый клинок, было довольно легко...

Что-то сказка начинается не совсем удачно. Видимо, бурные и невероятные события, которые произошли со мной несколько дней тому назад, отложили свой отпечаток на моём повествовании. Надеюсь, Арсюха с Женькой меня простят. Я потёр лицо руками, пытаюсь сосредоточиться, но вместо этого мысленно перенёсся на космодром, полный пожарных, полицейских и военных машин. Именно на космодроме начались удивительные и увлекательные события, перевернувшие всю мою жизнь.

Но сказку, хочешь – не хочешь, нужно продолжать...

Галлы проиграли войну. Восстание оказалось подавленным. Два дня понадобилось римлянам, чтобы разгромить войско Коммия, пришедшее на помощь осаждённым в Алезии. Верцингеторикс, понимая, что исход восстания предрешён, решил избежать бесполезных жертв и добровольно снял с себя доспехи. Он сложил оружие в знак покорности победителю и сел у ног Цезаря в ожидании его решения. Самые преданные вождю галлы из тех, кто пережил с ним осаду, последовали его примеру, но к Цезарю их не допустили. Этим галлов, численностью сто пять человек, выстроили в шеренгу неподалёку от ставки Цезаря и приказали опуститься на колени. Арс был в их числе. Рядом с ним стоял на коленях его младший брат Ген. Арс противился тому, чтобы брат, который не участвовал ни в одной битве, а работал в обозе и на кухне, явился вместе с воинами на добровольную капитуляцию. Противился вовсе не потому, что Ген не был бойцом. Арс знал, что отваги брату не занимать, но очень хотел сохранить ему жизнь. Он чувствовал, что в отличие от него самого, Ген живет в одном мире, а умереть сегодня, возжелай того Цезарь, можно было в любой момент.

Весь день сотня галлов стояла коленопреклонённая. Вечером, когда уже стемнело, мимо них прошёл Цезарь. При свете чадающих факелов он рассматривал лица своих добровольных пленников. Остановился возле братьев. Эта парочка не могла не привлечь его внимание. Он долго задумчиво рассматривал их. Молчал и смотрел. Затем сделал шаг, взял Гена за волосы и запрокинул его голову к свету факелов. Ген, находящийся на грани обморока от усталости, сделал попытку дерзко посмотреть в глаза Гая, но сознание поплыло. Видимый мир начал

сужаться в точку и чтобы не грохнуться перед Цезарем в обморок, Ген всю свою волю направил на эту светлую точку перед глазами. Он вцепился в неё сознанием и удержался. Мир постепенно вернулся в первоначальное пребывание. Правда Цезарь так и не увидел его дерзкого взгляда. Взгляд получился растерянным и испуганным. Но Цезарь понял состояние мальчишки, рассмотрел его борьбу с обмороком. Он улыбнулся мальчишке грустной полуулыбкой и бросил несколько слов через плечо.

Находившийся при Цезаре легионер открыл флягу и протянул её Гену. Ген взял фляжку и осторожно пригубил. В иссохшее горло потекло терпкое и кислое вино. Сделав несколько глотков, Ген с трудом оторвался от живительного напитка и протянул флягу брату. Легионер с гневным окриком попытался забрать вино, но Цезарь вскинул руку в запрещающем жесте и засмеялся. Арс отхлебнул вина и передал флягу дальше. Прошептав что-то на ухо сопровождавшему его Титу Лабиену, Цезарь двинулся вдоль стоявших на коленях пленников, как будто хотел проследить путь фляги и узреть человека, на котором закончится её содержимое. Впрочем, это было всего лишь совпадение.

Тит Лабиен отдал распоряжение и тут же к Гену подошли два римских солдата, подняли его на ноги и увели куда-то прочь. Остальным разрешили устроить ночлег, развести костры и приготовить еду, но Арсу было не до еды, ведь случилось то, чего он опасался больше всего – его разлучили с братом...

Ночью меня разбудил Арсений.

– Па, за окном нашей спальни кто-то плачет, – прошептал он мне в самое ухо, как только я открыл глаза в ответ на его прикосновение к моему плечу.

– Сейчас узнаем, – еле слышно ответил я, затем потихоньку, стараясь не разбудить жену, выбрался из-под одеяла: – Ты со мной?

– Ага, – Арсений тут же вцепился в мою руку.

Наш дом располагался в лесу, примерно в шести километрах от ближайшего посёлка. Лес обступал дом со всех сторон, а с тыла, как раз с той стороны, на которую выходили окна детской спальни, деревья подступали вплотную к самому дому. Наша с женой спальня располагалась через коридор напротив детской. Мы с Арсеном, не включая освещения, спустились на первый этаж. В сумраке прихожей я надел ботинки на босые ноги и взял с полки фонарик.

– Не боишься? – спросил я сына.

– Нет, – ответил тот, поблёскивая в темноте глазами.

– Женька спит?

– Не-а. Это он первый услышал плач и меня разбудил.

– Зови его. Только быстро и тихо, чтобы мама не проснулась.

Арсений на цыпочках убежал, а я, приоткрыв дверь в кухню, тихонько чмокнул губами. Малявка тут же прошмыгнула из кухни мне навстречу и встала на задние лапы, упёршись передними в моё бедро. Малявкой звали ручную лису, которая будучи крохотным лисёнком, прибилась к нашему дому. На спине у неё было несколько колото-рваных ран, отчего я пришёл к выводу, что она чудом спаслась от того, чьи дети сегодня плакали в ночи.

– Малявка идёт с нами? – дети уже были рядом со мной и тискали довольную лису.

– Куда мы без неё, – я открыл входную дверь и мы гурьбой вышли из дома.

Ночь была необычайно тихая, тёплая и звёздная. Ни облачка, ни ветерка. Почти полная луна в достаточной мере освещала наш путь, потому фонарик я пока не включал. Из-под навеса, потягиваясь, вышел Байрон. Байрон – дворняжка с примесью кавказской овчарки был огромен и грозен. Мы взяли его щенком из приюта, в тот же день, как на нашем подворье появилась Малявка. Его задачей было не столько охрана дома, как защита Малявки от соседских и бродячих собак, которые изредка забредали на нашу территорию. Они росли вместе, укрепляя свою дружбу играми и совместной трапезой. Когда им выносили еду, а Байрон в этот момент отсутствовал, совершая обход находившихся под его охраной владений,

Малявка никогда не приступала к еде одна. Она сидела возле миски Байрона, охраняя её до прихода друга. Как только в поле её зрения появлялся Байрон, она тут же отходила к своей тарелке и начинала есть. Вот только место для сна у них было разное. Малявка облюбовала себе кухню, а Байрон предпочитал спать во дворе под навесом.

Байрон без излишней суеты пристроился к нашей процессии и вот уже всей ватагой мы завернули за дом. Я, зная куда идти, направился по тропинке в нужную сторону вглубь леса и через пару десятков метров остановился около одной из сосен. Малявка с Байроном уселась под деревом, задрав головы вверх. Вверху среди ветвей была крошечная темнота.

– Слушайте, – прошептал я.

– Кого? – одновременно и тоже шёпотом спросили дети.

– Лес, – ответил я.

Тишина в лесу никогда не бывает абсолютной, но в этот момент она была именно такой. Казалось, что даже Байрон с Малявкой затаили дыхание, ощущая значимость момента. Вдруг, в темноте ветвей над нами раздался шорох. Через несколько секунд ещё. И снова. Это уже походило на чью-то неторопливую возню. Я включил фонарик, направляя яркий луч в сторону доносившихся шорохов. Вверху, на толстой сосновой ветке сидели два совёнка. Ещё в пуху. Этакие обоятельные уродцы. Они смотрели на нас, крутили головами и хлопали большими глазами.

– Вот кто вас разбудил. Совята.

– А почему они плакали? – спросил Женька.

– Они не плакали, – я давно знал про совиное семейство, живущее по соседству, но не рассказывал про него детям, чтобы они не беспокоили птиц почём зря: – это они петь учились.

– А где их родители? – по интонации, с какой Арся задал вопрос, я понял, что сейчас последует просьба об «усыновлении» птенцов.

– Ищут им еду. Возможно, что кто-то из них уже поймал мышь и сидит сейчас неподалёку, наблюдая за нами, – я дал сыновьям достаточно информации, чтобы пресечь их просьбы о приеме совят в нашу семью.

Дети тут же, словно совята, завертели головами, надеясь увидеть взрослых сов, но эту ночную птицу и днём-то не всегда заметишь, а ночью увидеть их – пустая трата времени. Я пробежал фонариком по веткам вокруг нас, в надежде, что луч света отразится в глазах взрослой совы. Но нет, родителей рядом не было.

– Ну что, удовлетворили своё любопытство?

– Ага, – хором откликнулись мальчишки.

– Домой? – предложил я.

– Байрон, пошли. Пошли, Малявка, – скомандовал своим любимцам Женька, после чего наша ватага отправилась в обратный путь.

Байрон, прежде чем уйти, бухнул вверх для проформы, как бы предупреждая совят, чтобы те не вздумали забираться на его территорию. Совята оставили Байрона без ответа.

В доме я повторно уложил детей в постели. Уже приоткрыл дверь, чтобы выйти, но тут в темноте послышался Арсин голос.

– Па, а что было в сказке дальше?

– О-хо-хо-х, – вздохнул я и повернулся к детям. Они подобно совятам довольные зашуршали одеялами, устраиваясь так, чтобы удобней было слушать меня...

2

– Знаешь, Кезон, а это неплохая идея, – сенатор Гай Децим задумчиво катал между ладонями пустой серебряный кубок. Вино ему понравилось. Видимо, прижимистый Кезон откупорил ради такого случая бочонок с лучшим вином: – А теперь, будь добр, обо всём поподробнее.

– Ты, сенатор, даже не сомневайся, так как идея действительно великолепна. Она принесёт большую прибыль и мне, и тебе, – Кезон ждал, когда Гай Децим поставит кубок на стол, чтобы подать знак слуге. Слуга, стоявший в сторонке и без того был готов по любому сигналу наполнить сосуд гостя вином: – Все хозяева гладиаторских школ уже знают о том, что в гладиаторских боях в честь победы Цезаря будут участвовать только пленные солдаты. Многие из ланист даже не станут подавать списки бойцов, чтобы Сенат мог выбрать лучших и оплатить их. Нам необходимо распустить слухок, что одновременно с играми в Риме, пройдут бои ещё в нескольких провинциях. Под эти мнимые бои я скуплю у других ланист гладиаторов по достаточно низкой цене. Твоя задача состоит в том, чтобы убедить Сенат купить гладиаторов для предстоящих игр у меня. Цена на этих бойцов будет, как вы знаете, примерно вдвое больше, чем та, за которую я их приобрету. Прибыль я предлагаю поделить пополам.

– Осталось придумать, куда деть пленных варваров, предназначенных для игр гладиаторов, – Гай Децим наконец-то поставил кубок на маленький столик, стоявший рядом с креслом, на котором он сидел и дважды легонько стукнул по нему ногтем. Слуга мгновенно подскочил к столику и налил вина. Гай Децим с удовольствием сделал большой глоток и прикрыл глаза. Вино было в меру горячим и содержало идеальный баланс добавленных специй: – Вся загвоздка в том, дорогой Кезон, как нам избавиться от пленных галлов, – произнёс сенатор, не поднимая опущенных век.

На несколько минут в комнате наступила тишина, нарушаемая только дыханием находящихся в ней людей. Кезон со своего места с надеждой всматривался в лицо сенатора, но тот, казалось, заснул. «Быть может, стоит его как-то разбудить?» – подумал Кезон и даже сделал попытку приподняться со стула, но в этот момент Гай Децим открыл глаза и внимательно посмотрел на него.

– Я сообразил, куда мы денем галлов, – с видом триумфатора сенатор допил кубок и снова стал катать его меж ладоней.

– Слушаю тебя с нетерпением, – Кезон, жадный до денег, весь подался вперёд. Глаза его алчно заблестели, а лоб покрылся испариной от предвкушения прибыли.

– Мы принесём их в жертву, – глядя на потное лицо своего собеседника, Гай Децим продолжил: – ты, Кезон, будучи ланистой, как никто другой должен понимать, что гладиаторские бои, это особая форма жертвоприношения, где павшие на арене гладиаторы являют собой жертву Великому Риму и богам, которые ему покровительствуют. Ритуалы жертвоприношения в свою очередь могут быть очень разнообразными. Можно вывести человека на площадь и принародно перерезать ему горло в знак уважения любимого бога. Можно привязать его к столбу, обложить дровами и сжечь на костре, при этом наши жрецы любой костёр провозгласят священным огнём. Но с этими людьми, мой дорогой Кезон, мы поступим совершенно иначе. Принеся их в жертву по придуманному мной ритуалу, мы не только отдадим честь триумфатору Цезарю, но вдобавок неплохо поправим наше финансовое состояние.

– Мне не терпится узнать, каким образом произойдёт придуманная тобой гекатомба, в которой сотню быков заменит сотня галлов, – Кезон захохотал над собственной шуткой, щёлкнул пальцами и слуга наполнил сосуд сенатора снова. Гай Децим удовлетворённо кивнул и отпил из кубка.

– Мы «замостим» телами галлов дорогу Цезарю и его легионам. Уложим их так, чтобы по их телам Цезарь по Кливус Викториа вошёл в Рим. Они будут лежать под специально сделанными деревянными настилами через такие промежутки, которые позволят наверняка раздавить их. Если кто-то из них и выживет, то в этом случае он вряд ли сможет держать в руке меч, чтобы участвовать в поединках.

– Гениально, сенатор! – Кезон энергично потёр ладони: – Теперь главное всё проверить быстро и без ошибок. Мои люди прямо сегодня запустят слухок об Играх в провинциях, а когда в Рим придут пленные, у меня уже будет нужное количество бойцов. Затем дело за вами. Вы должны каким-то образом убедить сенат принести пленных в жертву, а затем оплатить моих гладиаторов.

– Не беспокойся, дорогой Кезон, – Гай Децим покровительственно улыбнулся, – у меня в сенате есть свои рычаги влияния и уже сегодня я начну на них нажимать. К моменту прибытия Цезаря всё будет сделано в лучшем виде.

– Нисколько не сомневаюсь в этом, сенатор, – решил польстить сенатору Кезон.

– И я в свою очередь нисколько не сомневаюсь, – говоря это, Гай Децим слегка лукавил, ведь для Сената эти пленники являлись гражданами Римской Республики, пусть даже и восставшими.

Для Сената, заставить сражаться пленных на арене, было вполне приемлемым наказанием за бунт против Республики, но отправить их как овец на заклание? Гай Децим согласился на предложенную Кезоном афёру не только из-за материальной выгоды. Ему представился случай проверить свою значимость в Сенате, проверить своё влияние. А деньги? Деньги для него были всего лишь приятным дополнением.

Пленные галлы прибыли в Рим примерно через месяц после того, как предводитель восстания, в котором они участвовали, капитулировал. Их поселили в большом бараке. Здесь, на отшибе римского пригорода, они ещё месяц ждали прибытия триумфатора и его войск. Кормили пленных вполне сносно и за время вынужденного бездействия некоторые из галлов даже набрали вес. Целыми днями пленники бродили по двору, огороженному высоким забором. Одни играли в примитивные игры, другие, время от времени, дрались между собой на потеху охране, третьи просто сидели, тупо уставившись в землю, либо в небо. Все знали, что их готовят для битвы друг с другом и от этой мысли многие из них впали в уныние. Никто из пленников ни секунды не помышлял о побеге и не сожалел, что добровольно вызвался сопровождать Верцигеторикса, отказавшегося от дальнейшей борьбы, к Цезарю. Судьба вождя, сдавшегося на милость победителя, была им неизвестна, что так же влияло на моральное состояние галльских воинов, ввергая их в протрацию и бездну депрессии. Всё же были среди них и такие, которых ситуация не сломила. Изо дня в день они упорно истязали себя физическими упражнениями лишь для того, чтобы в последний день своей жизни быть в отличной форме и с оружием в руках достойно встретить неизбежную смерть. Арс был в числе последних немногих стойких духом и волей солдат. Вооружившись двумя короткими палками, он без конца отрабатывал выпады и уклоны, отрываясь от тренировок только на еду и сон. Но судьба в лице двух хитрых и алчных римлян уготовила пленникам иную участь. Однажды ранним утром галлов вывели из барака, заставили раздеться догола и обнажёнными повели по безымянным грязным улочкам пригорода Рима в сторону Кливус Викториа.

На пустыре, от которого начиналась Кливус Викториа, уже всю кипела работа. Пленники прибыли сюда с первыми лучами солнца, но так как обоз с досками задержался в пути, сооружение настилов началось незадолго до появления пленников. Галлов построили по росту и парами отводили в сторону, где им связывали ноги и укладывали на землю ступнями друг к другу, лицом вверх. Когда восемь человек уже лежали на земле, их накрыли дощатым помостом. Остальные пленники поняли, какой удел их ждёт и зароптали. Стража, с выставленными наперевес копьями, тут же окружила их, всем видом давая понять, что любое сопротивление

будет сломлено мгновенно. Даже после того, как они узнали, какое предназначение уготовили им римляне, никто из галлов не испугался. Они всего лишь сочли, что такая смерть недостойна воинов. Командир галлов выступил вперёд и резким тоном высказал негодование, охватившее его товарищей, стоявшему рядом переводчику. Хитрый переводчик быстро убедил его, что участие в таком ритуале считается в Риме почётным делом и дальнейшая укладка пленных под настилы прошла без проблем.

Арса, как самого высокого из пленников, в паре с галлом, который был только на сантиметр ниже его, уложили под настил последним. Плотники, скрепив настилы между собой, приступили к изготовлению пологих пандусов для подъёма и спуска на этот оригинальный подиум.

День близился к полудню. Солдаты первого, пятнадцатого и шестнадцатого легионов в начищенных до блеска доспехах и при оружии, уже выстроились в колонны, ожидая прибытия своего полководца. Из-под настила, по которым предстояло пройти легионам, доносились стоны и роптания людей, которых мучила жажда и затёкшие без движения члены. За несколько часов томления в таком положении, настил из толстых досок и брусьев уже казался им сделанным из гранита. Время от времени кто-нибудь из охранников подходил к настилу, опускался на одно колено и бил древком копья по голове или плечам человека, который на его взгляд превысил уровень допустимого в такой ситуации шума.

Арс молчал. Не смотря на тяжесть досок, давивших на его грудь, он сумел отвлечься и погрузиться в грёзы, представляя себе родную деревню и мать, хлопотавшую около очага. Какое-то время он даже дремал, но стон человека лежавшего рядом, вывел его из забытья. До него донёсся гул толпы, собравшейся чествовать Цезаря. Слух о необычном мероприятии с участием пленных галлов быстро разлетелся по городу. На Кливусе Виктории собралась огромная толпа, состоявшая не только из горожан, у которых была возможность сюда явиться. В дополнение к ним, здесь собрались все свободные от работ жители близлежащих деревень. Толпа гудела, словно гигантский пчелиный улей, и этот гул перекрывал практически все остальные звуки. Арс, тем не менее, внимательно вслушивался в гул тысяч человеческих голосов, желая представить, что происходит по ту сторону досок. Старательно напрягая слух, он пытался сквозь людские голоса уловить начало движения римских когорт, но всё равно вибрация почвы под ногами десятка тысяч марширующих солдат стала для него неожиданностью. Он ощутил эту вибрацию всей спиной, но всё равно ни как не мог понять, что происходит.

– Держись!!! – раздался приглушённый досками крик одного из галльских командиров. Только тогда Арс понял, что дьявольское испытание началось...

Утром за завтраком, когда мы всей семьёй сидели за столом, Арся задал мне неудобный вопрос.

– Па, а римляне были садистами?

– Нет, сын, не были. Просто в те времена у многих народов была мораль, допускающая такие поступки, которые с нашей точки зрения считаются зверскими, варварскими и даже садистскими. У каждой эпохи свои нравы и, возможно, какие-то из наших поступков, которые мы сегодня считаем нормой, в будущем станут неприемлемыми.

– Ты хоть понимаешь, что разговариваешь с тринадцатилетним ребёнком? – встряла в разговор жена.

– Между прочим, Древний Рим мы уже учили по истории и про гладиаторские бои тоже. Я даже игру «Гладиатор» прошёл полностью. А обществоведение изучаем с прошлого года, – гордо заявил Арсеній.

– Это не та ли игра, что лежит у папы в кабинете, а на коробке написано «плюс шестнадцать»? – жена грозно повернулась к Арсену. Женька, который до сих пор безучастно и сонно ковырялся вилкой в омлете, встрепенулся.

– Нет, мама, на «Гладиаторе» плюс двенадцать. Это на «Риме» плюс шестнадцать, но там нет ничего страшного.

– А ты откуда знаешь? – жена переключилась на младшего сына, а Арся гневно толкнул брата локтем в бок.

– Папа играл, а мы смотрели, – Женька, не моргнув глазом, сдал маме и меня. Наивная детская простота. Теперь взгляд жены был обращён в мою сторону.

– Это обыкновенная стратегика, – максимально спокойным тоном заверил я жену, – Единственное, что нужно из «плюс шестнадцати», когда играешь в неё, это только мозги.

– Па, а почему в древности была мораль, которая допускала такие жестокости? – спросил Арся, посчитав, что вопрос с играми и их возрастными ограничениями уже закрыт. Я с облегчением повернулся к нему.

– Чем выше уровень культуры в обществе, тем меньше жестокостей допускает её мораль. А уровень культуры в свою очередь зависит от количества знаний, которыми оперирует общество. Если сегодня закрыть все детские сады, школы и институты, закрыть доступ людям к знаниям, то резко упадёт уровень нашей культуры, а через некоторое время наша мораль позволит нам заниматься даже людоедством.

– Я тоже людей стану есть? – удивлённо спросил Женька, наконец-то полностью проснувшись.

– Нет, сын, не будешь. Говоря «мы», я подразумевал наше нынешнее общество, всех людей. Людоедством скорей всего будут заниматься твои внуки или правнуки.

– Не забивай, пожалуйста, ребёнку голову всякими ужасами, – с улыбкой попросила меня жена.

– Я не трус, мне не страшно, мы с Арсей лягушку ели, – неожиданно заявил Женька, а затем, сделав секундную паузу, добавил: – жареную.

Пока мы с женой огорошенные смотрели друг на друга, Женька поспешил добить нас окончательно.

– Как французы. Мы её за домом на костре жарили.

– А ещё муравьёв ели, – невозмутимо добавил Арся. – Они кисленькие и вкусненькие. Только один попался невкусный. Прошлогодний, наверно.

Я думал, что умру от смеха, лопнув и разлетевшись крохотными кусочками по кухне, но нет, выжил. В метре от меня выжила от смеха моя жена...

По подиуму, сооружённому в честь победы Цезаря над Лохматой Галлией, предстояло пройти трём легионам, численность каковых составляла без малого одиннадцать тысяч человек. Чтобы подиум не двигался вперёд-назад на той мягкой опоре, что представляли собой человеческие тела, находившиеся под ним, по концам пандусов в землю были вбиты толстые буковые колья. Тем не менее, когда четыре лошади первыми взошли на подиум, таща за собой квадригу со стоявшим на ней Юлием Цезарем, он просел и подался вперёд, сдвинувшись совсем незначительно, всего лишь около пяти сантиметров, но именно этой мелочи хватило, чтобы вес колесницы мгновенно выдавил из лёгких первых четырёх человек весь воздух. Больше вздохнуть они не смогли, так как на помост, вслед за квадригой маршем взошли солдаты.

Некоторые пленники пытались облегчить себе дыхание, приподняв помост над грудной клеткой руками. Они лежали, упершись ладонями в грубые сырые доски, а локтями в каменную брусчатку. Под весом квадриги лучевые кости предплечий не выдержали и сломались с треском, словно сухие ветки. Под помостом раздались вопли боли, потонувшие в криках толпы, приветствующей своих победителей. Но и эти вопли мгновенно стихли, так как кричавшие выдохнув на крике, уже не смогли набрать в себя ни капли воздуха. С каждой новой шеренгой солдат, входивших на этот подиум, звуки под подиумом становились всё тише и тише, переходя в неясные предсмертные хрипы, полностью заглушённые орущими горожанами. Когда шествие

выдавило из грудных клеток сотни пленников последние остатки воздуха, под настилом наступила относительная тишина, так как треска сломанных рёбер и раздавленных черепов не смог бы услышать даже самый внимательный слушатель, стоявший в вопящей вокруг толпе.

Арс, в свою очередь слышал каждый звук, рождавшийся под настилом, но был спокоен. Он готовился умереть в этом мире и полностью перейти в следующий. Мысли, что тот другой мир является плодом сновидений и фантазий, он не допускал. Любой психиатр будущего, опросив его, поставил бы диагноз начинающегося эскейпизма и оказался бы неправ, так как расстройства психики у Арса не было. Его состояние было вызвано редким, необычным для мира в котором Арс жил, свойством человеческой психики. Со временем таких людей будет рождаться всё больше, но это со временем. А сейчас Арс, возможно единственный человек с такими уникальными психическими свойствами, лежал под настилом и слушал звуки смерти, приближавшиеся к нему. Звуки смерти с каждой секундой становились всё явственнее, всё отчётливее. Они были заглушены топотом маршировавших римских солдат, каждый удар ног которых по доскам отдавался под настилом барабанным боем. Арс всё же сумел выделить в этом шуме стоны, издаваемые умирающими людьми, треск костей и теперь слышал только их. Это так же было свойством его психики – уметь слышать то, что большинству людей недоступно. Смерть, шагавшая в строю римских солдат, надвигалась неотвратимо.

Настил с мёртвых галлов сняли только после захода солнца. Плотники, при свете факелов и в полной тишине, таскали окровавленные доски, складывая их на повозки. Причудливые тени, рождаемые языками факельного пламени, были подобны на гротескных чудовищ, выбравшихся из бесконечных глубин мрака, чтобы охотиться на улетающие души галлов. Лишь изредка тишину нарушала брань очередного неудачника, который из-за собственной оплошности поскользнулся в луже свернувшейся крови.

Начальник стражи Нумерий Гней, в поисках малейших признаков жизни, с факелом в руке внимательно осматривал каждого раздавленного галла, чтобы собственным мечом даровать мученику спасительную смерть. Когда сняли первый настил, по состоянию трупов он понял, что живых искать нет смысла, но обязанности свои Нумерий выполнял добросовестно, потому подходил к каждому мертвецу. Если обманчивый свет танцующего пламени вводил его в заблуждение, он доставал из сумки зеркальце и присев на корточки, подносил отполированную сталь к губам мертвеца. Но в этой импровизированной чудовищной давилльне никто не выжил.

Каково было его удивление, когда один из двух в последней паре связанных за щиколотки галлов оказался жив. Галл был в сознании и лежал, не издав ни одного звука, не смотря на обе переломанные руки. Он был одним из тех, кто решил облегчить себе дыхание, упершись ладонями в настил. Из правого предплечья торчали обломки лучевых костей, а из разорванных острыми сколами вен ещё текла густая кровь. Левая рука так же была сломана в предплечье, но открытых ран не было. Зато был раздроблен локоть. На его счастье, получив эти травмы, он тут же потерял сознание и очнулся только после того, как с его груди сняли настил. Он смотрел на начальника стражи безучастно, как смертельно раненый зверь смотрит смиренно на своего убийцу.

Нумерий Гней внимательно оглядел землю вокруг галла и сразу понял причину его чудесного спасения. Буковые колья, вбитые в землю в конце пандуса для удержания настила на месте, сыграли свою роль в тот момент, когда под натиском колесницы, первой въехавшей на подиум, помост подался вперёд, тем самым увеличив высоту между досками и грудью этого человека. Если бы не буковые колья, помост сместился бы вперёд и после спуска колесницы с настила, тело несчастного, несомненно, выглядело бы так же плачевно, как и тела первых раздавленных галлов. Своим спасением это галл был обязан двум толстым буковым кольям.

Нумерий повернулся к другому пленнику, лежавшему в паре с выжившим. Он опустил факел пониже и осветил его. Удивлённо вскинул брови и дал команду трем стражникам, которые стояли неподалёку и безучастно наблюдали за работой плотников, подойти к нему.

Четыре римлянина при свете своих факелов широко раскрытыми глазами смотрели на Арса. Арс спал, положив голову на бок. В тот момент, когда стихли предсмертные звуки под досками, а вслед за этим исчезло давление римских солдат на настил, он, осознав, что остался жив, мгновенно заснул. Заснул от бесконечной усталости. Этот сон был защитной реакцией подростка на стресс. Арс спал, не смотря на то, что его лицо было в ссадинах, а грудь в крови и синяках, которые оставили доски, когда вибрировали в такт шагам маршировавшим солдатам.

– Этого поднять и в тюрьму. Если до рассвета выживет, пусть кто-нибудь другой, а не я решает его судьбу, – Нумерий решил снять с себя ответственность за жизнь этого чудом спасшегося человека.

– А с этим что делать? – стражник показал острием копья на второго выжившего галла. – Он вряд ли оклемается с такими ранами, а если оклемается, то останется калеккой, а куда его, калекку, потом девать?

Нумерий Гней подошёл к раненому. При свете чадающего факела взглянул пленнику в лицо и достал меч из ножен. Раненый галл всё понял. Он закрыл глаза, сделал медленный выдох и в этот момент начальник стражи профессиональным движением опытного бойца перерубил ему шею, отделив горемычную голову от брэнного тела.

3

Когда двое солдат, подняли его с колен и по велению Цезаря повели прочь, Ген подумал, что его решили убить отдельно, как недостойного находиться вместе с прославленными и опытными воинами. Но он ошибся. Его поместили в просторную палатку, в которой не было ничего, кроме большой кучи соломы. Один из солдат остался у входа, а второй куда-то ушёл. Через некоторое время он принёс Гену миску густой похлёбки с мясом и овощами, а так же большой ломоть свежей лепёшки. Ген, не съевший за день ни крошки, наелся до отвала. Разомлев от сытости, он улёгся на солому. Как только он расслабился и закрыл глаза, сон мгновенно сморил его.

Утром, всё те же двое легионеров, отвели Гена в палатку Цезаря.

– Я хочу, чтобы этого мальчишку как можно быстрее подготовили к учёбе в начальной школе! – Цезарь ткнул пальцем в стоявшего у входа Гена, – обучить мальчишку языку и дать ему все необходимые для начальной школы знания.

– Не понимаю, зачем тебе это нужно, Гай, – Тит Лабием недоумённо развёл руками. – В начальную школу дети идут с семи лет, а этому зверёнышу на вид лет десять-двенадцать и, я уверен, полное отсутствие элементарных знаний.

– Нужно попробовать, – мягко сказал Цезарь, – и я очень надеюсь на твою помощь, Тит.

– Хорошо, давай же, не мешкая, приступим к его обучению. Ко времени прибытия в Рим будет ясно, годен он на что либо, или нет. У меня есть человек, который знает галльский и владеет знаниями, необходимыми для подготовки к обучению в начальной школе.

– Есть ещё одна просьба, мой друг. Я не хочу, чтобы это все афишировалось в Риме, – Цезарь внимательно посмотрел на Гена. – Выяснили, как зовут мальчишку?

– Галлы утверждают, что его зовут Ген. Кстати, среди пленных есть его старший брат, к которому, не смотря на его молодость, остальные галлы относятся с большим уважением. Его тоже надо куда-нибудь пристроить? Пройдя обучение, он мог бы стать прекрасным телохранителем собственного брата.

– Нет, брат мне не нужен. Я очень надеюсь, что те галлы, которые, по твоим словам, почитают его, выпустят ему кишки на арене в первый же день гладиаторских игр. Его присутствие в этом мире может серьёзно нарушить мои планы на его младшего брата. Как ты сказал, зовут мальчугана?

– Ген, – Лабием снова повторил имя мальчишки и тот, услышав его, зыркнул на легата взглядом затравленного волчонка.

– Ген, Ген, Ген, – Цезарь словно пробовал имя на вкус, – Ген, Ген. С этого дня зовите его Гай.

– Ты хочешь дать ему своё имя? – Тит Лабием театрально вскинул руки вверх, закатил глаза и произнёс громким шёпотом: – Небеса! Куда же тебя несёт, Цезарь?

Цезарь в ответ только усмехнулся.

– Гаев предостаточно на просторах Республики. Мальчишку необходимо переодеть, вымыть, постричь, звать только Гаем, привить манеры и через полгода я представлю его в Риме как своего родственника из глубокой забитой провинции, – Цезарь довольно хлопнул себя по бёдрам и встал со стула: – На счет глубокой забитой провинции я даже никого не обману. И смотрите, чтобы он не убежал.

Ген убежать не собирался, так как считал, что где-то рядом находится его брат. Он не знал, что пленных галлов и часть обоза уже отправили в Рим.

Утром следующего дня Гена было трудно отличить от обычного римского подростка. Происходившие с ним метаморфозы Ген посчитал экзекуцией, но вынес их безропотно. Даже

стрижку, в процессе которой, цирюльник, стригший самого Цезаря, награбил его короткой причёской, Ген, возмущённый до глубины души, перенёс спокойно. Затем, два легионера сопроводили его к учителю Спурию. С этого момента учитель и ученик проводили всё время вместе, словно отец и сын. Обучение проходило почти круглосуточно, даже во время трапезы и только короткий сон давал Гену возможность отдохнуть от свалившейся на него умственной нагрузки. Спурий оказался добряком, который с первого взгляда понял, в каком душевном состоянии находится доверенный ему мальчишка. Когда к нему привели Гена, он целый час разговаривал с ним на языке галлов и к концу разговора знал про мальчишку почти всё.

Первое время, когда началось обучение, Ген с хмурым видом отмалчивался. Спурий, в свою очередь, тараторил, не умолкая ни на минуту. Наконец-то Спурию попался не просто благодарный слушатель, а слушатель, в обязанности которого входило внимать ему беспрекословно.

– Лес, – показывал ему Спурий на медленно проплывавший мимо повозки лес, тут же переводя это слово на понятный мальчишке язык.

– Дорога, – Спурий тыкал пальцем себе под ноги и называл галльский вариант. Его совершенно не смущало молчание Гена. Не ожидая ответа, он называл Гену предметы, части тела и явления, тут же переводя все слова. Ген, внешне безразличный, впитывал всё, как губка. Так прошли три дня. По истечении третьего дня, уже засыпая, Ген задал Спурию вопрос на языке римлян:

– Где мой брат?

Спурий слегка опешил. Он знал про существование брата из первоначального разговора с мальчишкой, но судьбой его и остальных пленных галлов не интересовался.

– Не знаю, но завтра утром, когда ты проснёшься, я тебе скажу, – ответил он растерянно.

Спурий прекрасно понимал, что значит для мальчишки потеря брата. Он сам потерял младшего брата, который погиб в одном из боёв при покорении Лохматой Галлии и боль от этой потери всё ещё сидела занозой в его груди. Когда воспоминания о брате набегали сильнее, чем обычно, эта боль проявлялась лёгкой дрожью в голосе. Точно такую же дрожь он услышал в словах Гена, когда тот задал вопрос о брате и воспринял её, как собственную.

Спурий поднялся с рассветом, но всё равно оказался не первым из проснувшихся этим утром. Лагерь оживал, готовясь к очередному переходу. Кто-то раздувал уголья, пытаясь оживить костёр, кто-то уже разогревал себе еду, а некоторые успели сложить походные палатки на повозки и запрячь в них мулов. Узнав о судьбе пленных галлов, Спурий вернулся к Гену. Ген к этому времени выполнил все работы из тех, что по утрам делал Спурий в то время, пока он сам ещё спал. Все работы были ему знакомы, ведь именно ими он занимался в галльской армии. К приходу Спурия Ген сложил все вещи на повозку, оставив только складные стул и столик, раздул костёр и разогрел еду. Не дожидаясь возвращения Спурия, Ген поел и тщательно вымыл свою оловянную миску. Миску с едой для Спурия он заботливо накрыл собственной и придвинул к огню, чтобы содержимое не остыло.

– Спасибо за заботу, – Спурий поднял свою миску. Он поставил её на походный столик, удобно устроился на складном стуле, достал из сумки ложку и приступил к еде.

Ген ждал молча. Когда Спурий поел и помыл посуду, они вместе, по-прежнему не произнося ни слова, убрали оставшиеся пожитки на повозку и погасили костёр. Наконец, когда все было сложено и уложено, лошадь запряжена, а они сами уселись в повозку, ожидая команды к началу движения, Спурий начал рассказ:

– Я узнал, где находится твой брат. Пленных галлов и твоего брата в их числе в ускоренном темпе отправили в Рим. Если ты хочешь найти его в Риме, тебе необходимо хорошо знать наш язык, чтобы в тебе видели не варвара, а римлянина. А для этого нужно старательно учиться. Ты, Гай, мальчик смысленный, у тебя получится: – Спурий впервые назвал Гена новым именем.

– Меня зовут Ген, – спокойно и почти без акцента поправил его Ген.

– Без сомнений это так, – серьёзно ответил Спурий.

С тех пор Спурий ни разу не назвал своего ученика Гаем. Находясь с ним наедине, он именовал его Геном, а если рядом был кто-то из посторонних, обращался к нему безлико: «мальчишка», «парень», или «дружище».

Учеба давалась Гену легко, да и учился Ген с видимым удовольствием. К тому же, к немалому удивлению Спурия, этот юный варвар не так уж и мало знал. Оказалось, что, это римские дети не обладали таким набором знаний, какой был за плечами его подопечного. В начальных школах Рима детей с семи лет обучали чтению, письму и арифметике. Ген же разбирался в камнях и металлах. В свои десять лет он ведал, как их обрабатывать и как по цвету разогретого металла определять его готовность к ковке, распознавал виды деревьев, какая древесина для каких целей годится. Он неплохо для своего возраста владел мечом, стрелял из лука и ловко сидел на лошади, как в седле, так и без седла. Но больше всего Спурия поразило то, что Ген хорошо знал арифметику и астрономию, великолепно разбираясь в звёздном небе и свободно ориентируясь на местности.

Каждый вечер вдвоём они являлись в палатку Цезаря, где Спурий обстоятельно докладывал Гаю Юлию об успехах своего ученика. Он делал это с гордостью, ведь такие успехи могли заставить гордиться любого учителя. Цезарь в свою очередь проводил с Геном короткий импровизированный экзамен. Затем он ставил Спурию акценты на области знаний, которые, по его мнению, необходимо было подтянуть мальчишке, чтобы в Римской начальной школе он не отличался от сверстников.

Сложнее всего давалось Гену письмо. Тем не менее, за два с небольшим хвостиком месяца, которые мальчишка провёл в путешествии из Алезии в Рим, он сумел научиться писать под диктовку практически без ошибок. Правда, подчёрк его по-прежнему оставлял желать лучшего.

4

Арс после жертвоприношения восстанавливался быстро. Через четыре дня, когда за ним пришли, он, не смотря на не сошедшие до конца кровоподтёки и не полностью зажившие ссадины, чувствовал себя готовым достойно встретить любое испытание. Два римских солдата по бокам и офицер во главе, сопроводили его к дому Тита Лабиена, которому не только было любопытно взглянуть на выжившего после такой казни галла, но и предстояло вынести решение о его дальнейшей судьбе. Для себя Тит Лабиев уже решил наградить галла свободой, но когда выжившего привели, легат неимоверно расстроился. В человеке, которому он хотел даровать свободное существование, Тит мгновенно признал брата того мальчишки, что под видом родственника жил в доме Цезаря. Теперь о том, чтобы отпустить удачливого юношу, не посоветовавшись с Цезарем, не могло быть и речи, ведь Тит хорошо запомнил слова своего друга, о том, что лучшим исходом в ситуации с двумя братьями галлами – смерть старшего брата.

На удивление Тита Лабиена мальчишка, которого Цезарь и всё его окружение теперь звали Гаем, оказался очень способным и одарённым к наукам ребёнком. Его успехи в учёбе невероятно радовали Цезаря, потому зная происходящее, Тит Лабиев немедленно послал гонца к Гаю Юлию с приглашением посетить его дом в самое кратчайшее время. Эту срочность он объяснил неотложными и очень важными для самого Цезаря обстоятельствами.

Цезарь явился незамедлительно. Взглянув на Арса, он сразу понял, почему Тит Лабиев вызвал его к себе, а не пришёл сам. Было недопустимо, чтобы его Гай увидел брата, которого считал погибшим, так как вести о казни галлов давно достигли его ушей. В тоже время, тайно казнить выжившего пленника Цезарю было не по нутру. Видя одолевавшие Цезаря эмоции, Тит Лабиев обратился к нему с советом:

– Послушай, Гай, что я посоветую тебе. Этого парня нужно отдать в гладиаторскую школу Кезона с условием, что тот не откладывая всё в долгий ящик, начнёт выставлять его на самые тяжёлые бои, а твоему приёмышу запретить присутствие на боях с участие брата. Поручи это тем, кто опекает юного Гаю, а так же строго накажи им, что нарушение данного правила будет караться самым жестоким образом. Я же в свою очередь распоряжусь, чтобы Кезон предупреждал опекунов Гаю о предстоящих боях с участием этого варвара.

– Хорошо, – взвесив слова легата, ответил Цезарь: – Пусть будет так, как ты сказал. Только с одним небольшим уточнением – опекунов в этот вопрос не втягивать, а все доклады должны идти через меня. Утряси все вопросы с Кезоном и как можно быстрее. Бои на арене, как ни крути, тоже казнь, но в этом случае, мы все-таки даём ему какой-то шанс продлить себе жизнь. К тому же, судя по всему, парень просто счастливчик. Я очень надеюсь, что его счастье оборвётся в ближайшие дни на арене.

Когда Арса привели в гладиаторскую школу Кезона, тот вызвал лекаря. Вдвоём они тщательно осмотрели новичка на наличие видимых симптомов заболеваний и паразитов. Осмотром Кезон остался доволен, ведь юноша, попавший к нему, оказался здоров и крепок. Получить в гладиаторы ещё одного галла было совсем неплохо, так как он из опыта знал, что бойцы из них зачастую выходили просто отменные. У него в школе и сейчас имелись два галла – сильные, рослые и выносливые. Правда, не настолько высокие, как это молодой варвар.

Кезон велел помощнику позвать любимца публики и лучшего гладиатора школы Кастула, чьё имя неоднократно скандировали зрители, а так же галла Казоира в качестве переводчика. Кастул был римлянином. В гладиаторскую школу он попал за долги, но, тем не менее, полностью оправдывал смысл, вложенный в его имя – разрушительный. Его тело бугрилось мышцам, однако, не смотря на некоторую массивность, Кастул был ловким и стремительным воином, способным разрушить любую оборону противника, а не только разгулами собственную жизнь.

Казоир ни в чём не уступал Кастулу внешне и, хотя они никогда не сражались друг с другом, в душе был уверен, что если судьба сведёт его в поединке с Кастулом, победа будет за ним. Но сейчас они были друзьями.

– Поговори с ним, Казоир, – Кезон указал Казоиру на Арса. – Это твой соотечественник. Он единственный, кто выжил в недавнем жертвоприношении в честь триумфа Цезаря.

Казоир уже несколько лет жил в Риме и, не смотря на то, что был обыкновенным рабом-гладиатором, считал себя римлянином. Он надеялся обрести на арене свободу и окончательно поселиться в Риме, потому упоминание о соотечественниках его совсем не тронуло.

– Как зовут тебя? – Казоиру понравилось, что Арс держался уверенно, не метался взглядом по сторонам, смотрел только перед собой, будучи безразличным к окружавшей его обстановке, а услышав вопрос, мгновенно переключился на спросившего.

– Арс, – коротко ответил молодой галл.

– Арс, это имя, которое тебе дала мать?

– Да.

– Какое имя тебе дало племя?

– Оилилл.

– Меня зовут Казоир. Уверен, ты знаешь, что это означает «воин». Нашего хозяина зовут Кезон.

Казоир повернулся к Кезону:

– Его зовут «Эльфо». Думаю, это всё, что вам нужно о нём знать, – Казоир умышленно перевёл имя юноши на язык римлян, хотя его самого именовали только по-галльски.

– Он действительно похож на эльфа-переростка, – Кезон рассмеялся и вслед за ним рассмеялись все присутствующие. – С этого момента мы все зовём его Эльфо. Запомнили? Этого парня зовут Эльфо! – он возвысил голос, чтобы услышали остальные гладиаторы школы, которые к этому времени собрались вокруг поглазеть на происходящее.

– Да, хозяин, – раздался в ответ нестройный гул безразличных голосов. Похоже, что никого из гладиаторов не интересовало имя новичка. И впрямь, какой смысл утруждать свою память хранением новой информации, ведь вполне возможно, что уже завтра новичок умрёт на арене.

– Спроси его, владеет ли он мечом, – Кезон снова переключился на Казоира.

– Все галлы владеют мечом, – напыщенно произнёс Казоир.

– Я же велел спросить его, – Кезон недовольно нахмурил брови.

Никто из окружающих не понял, что спросил Казоир у новичка, но вопрос развеселил молодого галла. Не сдерживая улыбки, Арс что-то ответил Казоиру. Тот рассмеялся в полный голос. Он явно был доволен ответом земляка.

– Он сказал, что даже деревянным мечом вскроет любое железное ведро, которое римские солдаты надевают на себя в качестве доспехов.

Ответ жутко разозлил Кезона. Он побагровел, но от брани удержался.

– Я предоставлю ему такую возможность. Завтра. Ты слышал, Кастул, как отозвался о римлянах этот сопляк? Завтра главный бой на арене ты проведёшь с ним. В полной экипировке римского легионера. И пускай тебя не смущает, что у щенка в руке будет только деревянный меч. Эльфы бессмертны. Вот пусть и докажет, что он действительно эльф, – Кезон злорадно хохотнул.

– Я понял тебя, хозяин, – Кастул лениво развернулся и неторопливой походкой направился в гладиаторскую казарму.

– Устрой его на ночь и подготовь к завтрашнему представлению, – бросил Кезон через плечо своему помощнику и ушёл с тренировочной площадки...

Вся семья сидела на кухне.

– Ты в курсе, что твои дети чуть не сожгли сарай, в котором хранятся дрова для камина? – жена внешне была спокойной, но по отдельным признакам я видел, какие бури ревятся в её душе. – Они же могли сами сгореть!

Я только что приехал с работы, а жена минутами раньше вернулась с рынка. Это значит, что дети два часа бедокурили без присмотра. Думаю, что жена успела высказать им всё, что было необходимо и неотложную помощь оказать тоже. Я посмотрел на детей. Арсений нисколько не чувствовал себя виноватым, а вот Евгений сидел понуриив голову с перевязанной рукой и заплаканным лицом со следами сажи.

– Вообще-то, это ты виноват, – заявила мне жена. Ей хотелось до конца выплеснуть свои эмоции и лучшей мишенью для этого, чем я быть не могло.

– Я?

– Ты, ты! Это с помощью твоей ветоши они пытались сделать поджог.

– Каким образом? – во мне проснулось любопытство.

– А ты у них спроси.

– Слушаю вас, молодые люди, – обратился я к детям.

– Я уже говорил и повторяю ещё раз, что я ни в чём не виноват. Я был наверху и рисовал, – возмущённо заявил Арся.

– Ты старший и в наше отсутствие отвечаешь за младшего брата, а так же за его поступки. Мы вроде об этом уже говорили? – погасила его возмущение жена.

Я уселся за стол напротив Женьки.

– Рассказывай, приятель.

– Тряпка висела на гвозде и сама загорелась, – пробубнил мой младший сын.

– А гвоздь где был? В стене?

– Ага.

– А тряпка изначально в гараже?

– Ага?

– И как она оказалась на гвозде? Да и откуда там появился этот гвоздь?

– Я забил и повесил.

– Почему же она загорелась?

– Не знаю. Сама вспыхнула.

Вот такой у меня немногословный младший сын. Каждый раз приходилось прилагать некоторое усилие, чтобы получить от него необходимую информацию. Если он считал, что ответ на вопрос очевиден и лежит на поверхности, его молчание было нерушимым.

В процессе «допроса» я выяснил, что от скуки Женька решил выплавить себе новую игрушку, вылив расплавленную пластмассу в резинового зайца, которому он предварительно обрезал нижнюю часть со свистком. Для этого, недалеко от сарая Женька развёл костер и соорудил импровизированный очаг из кусков кирпича, которые нашёл за гаражом. На кирпичи поставил большую консервную банку из-под солидола и набил её старыми поломанными пластмассовыми игрушками, которые предварительно измельчил молотком. Для того, чтобы снять банку, когда её содержимое расплавится и при этом не обжечься, он сначала хотел использовать кухонное полотенце, но зайдя на кухню и взглянув на него, понял, что вымажет полотенце в сажу и тогда порки ему точно не избежать. Подумав немного, Женька не нашёл ничего лучшего, как вытащить из ящика для ветоши, который стоял в гараже, большую промасленную тряпку.

Вот тут и появился гвоздь в стене сарая, единственного сооружения во дворе, сложенного из брёвен, а не кирпича, ведь нужно же было на что-то повесить тряпку, чтобы она была под рукой, благо молотком он управлялся неплохо. К несчастью и вполне закономерным образом процесс изготовления игрушки пошёл не так, как запланировал Женька. В определённый момент содержимое банки из-под солидола, достигнув необходимой темпера-

туры, вспыхнуло. Женька метнулся к тряпке, чтобы с её помощью снять горячую банку и спасти материал для будущего зайца от уничтожения, но зацепил в спешке кирпич ногой и опрокинул расплавленную массу в огонь. Пламя, получив большую порцию благодатной пищи, разгорелось с новой силой, а от увеличившейся температуры и без того нагретая солнцем, и костром промасленная тряпка вспыхнула гигантским факелом.

Спасая положение, Женька сорвал тряпку с гвоздя и начал трясти ею, чтобы сбить пламя, но вместо того, чтобы погаснуть, пылающая тряпка, словно живая, обмотала ему руку по локоть. На его счастье, Женька был без майки, в одних шортах и отделался только ожогами руки, а не вспыхнул сам. Вовремя подоспевшая с рынка жена успела схватить сына в охапку, подскокить к бочке с дождевой водой, что стояла на углу сарая и целиком затолкать в неё сына, так как с испугу ей показалось, что пламя объяла Женьку с головы до ног.

К удивлению всех и в первую очередь для самого виновника происшествия, Женька отделался лёгкими ожогами правого предплечья. Ожоги были настолько незначительными, что перепуганная жена даже не вызвала скорую помощь, а сама наложила на ожоги тампоны пропитанные облепиховым маслом и забинтовала руку, отчего забинтованная рука смотрелась намного ужасней, чем до наложения бинтов. В этот момент появился я.

Дошла очередь до Арсена.

– Мама права, говоря, что ты в ответе за поступки брата, когда вы дома одни. Мне кажется, что я разговаривал с тобой на эту тему, после того, как мы переехали в этот дом и отказались от услуг няни. Ты уже почти совершеннолетний по законам Римской Республики, – я улыбнулся сыну, но моя улыбка не убрала хмурого выражения с его лица.

– А у галлов в семнадцать лет наступало частичное совершеннолетие, а полное, как у викингов и спартанцев, только в двадцать, – угрюмо произнёс Арса.

– Ты забываешь, сын, что Галлия при Цезаре стала частью Римской Республики, потому, на неё распространялись римские законы, – я был доволен, что Арсений самостоятельно искал дополнительные сведения по Рим и Галлии, ведь это означало, что его тронула моя история про двух братьев, но в силу серьёзности разговора, я конечно же, не подал виду.

– Всё равно, я ещё ребёнок! – Арсений ещё больше надул губы.

– Ты, безусловно, ребёнок, но ты к тому же и старший брат, и старший сын. Как старший, ты являешься главой дома в наше отсутствие, потому часть наших обязанностей по присмотру за Женькой автоматически перетекают на тебя. Надеюсь, ты, наконец, поймёшь это, тогда мы сможем и дальше оставлять вас дома вдвоём. В противном случае маме, когда она снова соберётся на рынок и в магазины, придётся брать вас с собой. А это, как ты знаешь, далеко не весело.

– Хорошо, па, но ты и Геньчика отчитай, чтобы помнил.

– Обязательно, сын...

Школа Кезона была первой гладиаторской школой, появившейся в Риме. Она была основана его предком и с тех пор передавалась по наследству старшему из сыновей. Кезон, несмотря на свою прижимистость, был заботливым и рачительным хозяином и никогда не экономил на своих бойцах. Гладиаторы, чувствуя его внимание и заботу, относились к Кезону с уважением. Им даже не приходило в голову, что они для Кезона были имуществом, с помощью которого он извлекал для себя пользу и прибыль. Кезон заботился о гладиаторах так же, как хороший продавец заботится о прилавке, а хороший цирюльник о бритве и ножницах. На Арса он смотрел аналогично, не смотря на то, что мальчишка достался ему бесплатно, да ещё с указанием дать ему умереть как можно быстрее в качестве неприятного доверсака. Невзирая на дерзость и женственность не знавшего бритвы лица, этот молодой галл понравился Кезону. Он видел в нём потенциал и ему совсем не хотелось с ним расставаться, не получив от него максимальной выгоды.

Ближе к вечеру Кезон позвал к себе Кастула.

– Постарайся не калечить мальчишку. Накажи его за дерзость, отшлёпай плашмя мечом, а поиграв с ним какое-то время, вырубь ударом по голове. Я договорюсь со своими друзьями, чтобы они первыми подняли большой палец вверх, а там, хвала Юпитеру, и остальные зрители сделают так же. Жалко мальчика, хоть он и глупый хвастун.

– Буду бить плашмя, но учти, Кезон, что я уважаю своих зрителей, и даже в этом случае устрой для них настоящий бой, бой без подвоха. Не обессудь, если я сломаю ему ногу, или руку. А может и то, и другое, – про себя Кастул давно решил спуску новичку не давать и как следует наказать его за необдуманное высказывание, – убить не убью, но проучу хорошенько.

– Ладно, ладно. Главное, чтобы был жив и за месяц выздоровел, – Кастул похлопал любимца по плечу, – можешь идти готовиться к завтрашнему поединку.

Рим впечатлил Арса именно сегодня, когда он шёл по нему в толпе гладиаторов к Арене. Все предыдущие дни, были смазанными в его памяти, к тому же, узкие улицы с низкими невзрачными домами, которые он видел по дороге в барак, или из тюрьмы в гладиаторскую школу, никого не смогли бы впечатлить. Сегодня, вид двухэтажных домов и вилл, а также огромное количество памятников, стел и обелисков, поражали Арса, заставляя без остановки крутить головой по сторонам.

Рим того времени в основном был одноэтажным, по грязным улицам без названий которого постоянно сновал народ, лишь застройки городского центра изобиловали двухэтажными зданиями. Двигаясь в толпе гладиаторов по величественному городу, Арс обратил внимание, что вельможи перемещались по улицам, восседая на носилках, которые носили рабы. Этот факт так же поразил его. Для себя Арс решил, что такой способ передвижения говорит не столько о благополучии этих людей, а сколько об уверенности, что им не придётся брать в руки оружие, чтобы защищать себя. Они как будто знали, что на них никто не нападёт, словно сам город способен оградить горожан от агрессивных врагов и потому те могли позволить себе быть изнеженными и слабыми.

Арс осматривал город, не переставая удивляться и восхищаться им. Иногда он высказывал вслух свой восторг, вызывая улыбки спутников, многие из которых, глядя на него, невольно вспоминали себя. В это время по соседней улице на плечах четырёх рабов плыли над мостовой носилки, на которых восседал Ген. Ген, с задумчивым видом восседая на мягкой подушке, направлялся в начальную школу.

Деревянная постройка Арены, находившаяся недалеко от Форума, так же, как и школа Кастула, была первой в Риме. Каменные арены и Колизей будут построены в Риме значительно позже, а пока Арс с интересом рассматривал самое большое сооружение виденное им в своей жизни. Арена использовалась для представлений каждый день. В будние дни на ней ежедневно проходили кулачные бои, чередовавшиеся выступлениями канатоходцев. Такого рода развлечения были очень популярными среди простого люда, а по праздникам, которых было в каждом месяце года от шести до двенадцати дней, проходили бои гладиаторов, неизменно собиравшие аншлаги. Только в июле был всего один праздник – Нептуналий. Но сейчас стояла весна, пора насыщенная праздниками и сегодня был двадцатый день мая, праздник Кастора и Поллукса, восьмой из одиннадцати праздников этого месяца.

Через деревянную решётку, что закрывало большое окно в помещении под трибунами, Арс наблюдал за боями гладиаторов. За его спиной, лениво переговариваясь, разминались те, кому ещё предстояло сразиться на радость римской публике. Казоир объяснил Арсу, что они с Кастулом выступают в пятом последнем поединке. Одежда галльского воина, которую выдал Арсу помощник Кезона, была слегка коротковата, но Арс даже не обратил внимания на такую мелочь. Он смотрел на арену и силился представить те ощущения, которые он испытает, выходя на неё под крики зрителей. В руках он держал выдавший виды учебный дубовый меч, который за несколько минут наточил до максимальной остроты железным скребком, выпрошенным у Казоира.

Наконец, после оглашения заслуг Кастула, эридатр выкрикнул имя второго бойца:

– Эльфо-о-о!

– Тебя, – Казоир легонько ткнул Арса в бок своим увесистым кулаком. – Удачи и постарайся выжить.

Арс, ничего не ответив, направился к выходу на арену. После полумрака, в котором он только что находился, яркое солнце ослепило его. Он шёл за Кастулом. Кастул уверенно шагал к центру арены, ведь глаза его от солнечных лучей защищал шлем. Он сверкал доспехами легионера, но этот блеск был для Арса не в диковинку и ни сколько ему не мешал, настолько он привык к нему в боях с римскими войсками под Алезией. Вдвоём они ступили на середину арены, где Кастул вскинул обе руки в приветственном жесте. В одной руке он держал гладиус – короткий римский меч, на другую был надет большой прямоугольный щит.

– Кастул! Кастул! – скандировали трибуны. Арс стоял и смотрел. Глаза его уже адаптировались к солнечному свету и он с интересом рассматривал многоликую пёструю публику.

– Подними руки, Оилилл! – крикнул ему из-под трибун Казоир, даже не надеясь, что в таком шуме Арс его услышит. Молодой галл казался ему растерянным и Казоир считал, что такое состояние может сыграть Арсу плохую услугу, но юный галл его услышал и поднял обе руки вверх.

– У-у-у-у-у-у-у! – разочарованно взвыли трибуны, рассмотрев деревянный меч в руке молодого варвара. Последний бой, глядя на который они собирались испытать самые яркие эмоции от сегодняшних поединков благодаря участию в нём Кастула, мог оказаться самым скучным.

Кастул направился к краю арены, а Арс, опустив руки вдоль тела, безучастно смотрел ему вслед. Когда до края арены оставалось пять шагов, Кастул развернулся и встал в боевую стойку. Арс остался стоять без движения. Мало того, его взор был обращён в землю и это вывело Кастула из себя, так как сопляк, каковым он считал молодого галла, по всей видимости, решил испортить праздник и ему, и зрителям. Кастул отбросил щит, чем вызвал возгласы одобрения публики и устремился к противнику. Он бежал лёгкой рысью, на носочках и с раскачкой – шаг влево, шаг вправо, не давая возможности противнику понять с какой стороны будет нанесён удар и с каждым шагом его все больше и больше злило, что противник, вместо того, чтобы встать в боевую позицию и встретить его достойно, застыл, опустив руки.

«Никудышный солдат – никудышный гладиатор» – сказал сам себе Кастул и решил, что Кезон после всего увиденного не обидится, если он расколет череп этому хвастунишке, который на деле оказался ни на что не годен. Приблизившись к Арсу на расстояние удара, Кезон быстрым движением выбросил клинок вверх и вниз. Ещё мгновение и меч опустится на голову Арса, но на середине удара произошло невероятное. Арс как будто исчез со своего места, мгновенно переместившись на один шаг в сторону. Одновременно с шагом он нанёс деревянным мечом молниеносный удар сбоку, поперёк лица Кастула прямо под линию шлема чуть выше бровей. Кастул не успел ни среагировать, ни высказать никаких эмоций, так как в эту секунду его душа отправилась на встречу с предками. Зрители так ничего не поняли. Кастул по инерции сделал ещё два шага и застыл посреди арены с поднятым для удара мечом. Ремешки, фиксировавшие шлем на голове Кастула лопнули и шлем улетел далеко, к самому краю арены. На середине полёта из шлема выпала верхняя часть черепа и шлёпнулась на арену, расплёскивая на песок мозги прославленного гладиатора.

Арс, по-прежнему не высказывая эмоций, ткнул Кастула деревянным мечом в плечо и только после этого мертвый гладиатор свалился на бок. Арс развернулся всем телом, резким движением воткнул своё оружие в песок и направился к выходу с арены. Вокруг него неистовствовала толпа.

– Эльфо-эльфо-эльфо!!! – неслось над улицами вечного города и это скандирование было слышно даже в здании Форума.

Вечером, когда стемнело, Кезон дал указание привести Арса. Желание поговорить с молодым варваром распирало его с того самого момента, как закончился последний поединок, но друзья и знатные вельможи рвали его на части, желая узнать об Арсе как можно больше. Часть из них, около двадцати человек, изъявили намерение рассмотреть Арса поближе, потому в этот вечерний час собрались у Кезона. Некоторые из гостей даже не видели боя, но разговоры друзей возбудили в них жгучее любопытство. Они были разочарованы, увидев перед собой юношу, внешностью действительно чем-то подобного на эльфа. По их мнению, боец, способный сотворить то, что сотворил Арс, должен был обладать крепким костяком и очень мощной мускулатурой. Могучий Казоир, пришедший в качестве переводчика, впечатлил их на много больше.

– Скажи, галл, как ты умудрился нанести такой удар? Может это была случайность? – задал вопрос на правах самого старшего по рангу, присутствовавший здесь сенатор Гай Децим.

Казоир перевёл слова Децима на галльский язык.

– Нет, – спокойно ответил Арс, – я обучен такому удару. К сожалению, возможность использовать его бывает редкой, так как противники, узнав про него, уже не бросаются на меня так опрометчиво.

– Если ты способен повторить этот удар, то не смог бы продемонстрировать его нам?

– Вы хотите, чтобы я убил человека прямо здесь?

– Да. Здесь и сейчас. Например, этого раба, – раб, на которого указал сенатор, втянул голову в плечи и побледнел.

– Я не палач и не стану никого убивать, если он не угрожает моей жизни.

– А если я прикажу тебя наказать?

– Можете приказать убить меня. Я воин, а не палач.

– Хорошо, в таком случае, мы вызовем сюда ещё одного гладиатора и устроим между вами поединок.

– Этот гладиатор сделает всё, чтобы избежать такого удара.

– Значит, повторить свой удар ты отказываешься? Скорее всего, я оказался прав – удар получился у тебя случайно!

– Я могу его повторить, но не на человеке.

– А на чём же тогда?

– Ударом сломаю римский меч. Мне уже приходилось это делать.

– Боевое оружие деревянным учебным мечом? – не поверил своим ушам сенатор.

– Именно так.

Гай Децим согласно кивнул и обратился к Кезону:

– Уважаемый Кезон, прикажи принести учебный меч.

Кезон в свою очередь повернулся к помощнику и жестом руки отправил его за деревянным мечом.

– Не нужно меча, – заявил Арс, – достаточно той палки.

Арс указал рукой на флабеллум, что стоял подле кресла Кезона. Это было роскошное опахало из перьев павлина, насаженное на длинную кленовую ручку.

Помощник Кезона незамедлительно подошёл к опахалу, сдёрнул его с ручки и бросил ручку Арсу. Арс поймал её на лету, взвесил в руке и резким движением обломал об колено до удобной длины. Гай Децим приказал одному из стражников подойти к Арсу и обнажить свой меч. Стражник выполнил приказ и теперь стоял перед Арсом, всем видом выражая опаску.

– Ну, Эльфо, какую позицию ему принять? Как он должен держать меч, чтобы тебе было удобно проявить свою уникальную способность?

– Пусть приготовится отразить атаку, – Арс, стоял в точно такой позе, как до этого на арене.

Казоир перевел и стражник тут же принял боевую стойку, подняв меч на уровень груди. В этот раз Арс даже не делал шага в сторону, а просто нанёс удар по лезвию меча чуть выше рукояти. Удар был столь быстрым, что его опять никто не увидел.

Дзинь. И вот уже оторопевший стражник смотрит на рукоять без лезвия в своей руке, а через секунду, подлетевшее вверх от удара лезвие, со звоном упало рядом с ним. Все вскочили и загалдели, обсуждая действие, которое оказалось недоступным для их зрения. Стражники, присутствовавшие при демонстрации, напряглись и как по команде положили руки на рукоятки своих мечей. Их беспокойство было вполне объяснимым, ведь юноша, спокойно стоявший перед ними, был вооружён не палкой, а невероятно грозным оружием, которым делали эту палку его способности.

– Успокойтесь все немедленно! – крикнул Гай Децим и все затихли. – Ты, Эльфо, уникам! – голос его вибрировал от возбуждения и восхищения.

– Нет, не уникам, так как есть ещё человек, который меня этому научил.

5

Ночь опустилась на улицы Рима и кроме редкого лая собак, ничто не нарушало её тишину. Арс и Казоир лежали на грубо сколоченных дощатых нарах, заменявших им постель. Казоир специально пристроил парня рядом собой, беря его под свою опеку по просьбе Кезона. Сон не приходил к обоим. Они лежали в полной темноте и молчали. Наконец, Казоир не выдержал и заговорил.

– Оилилл, ты спишь? – прошептал он.

– Нет.

– Кто научил тебя сражаться?

– Эпоредорикс. Надеюсь, что ты слышал о нём. А ещё друид Тонтиорис.

– Кто же не слышал про Эпоредорикса! – восторженным шёпотом произнёс Казоир, – каждый галл знает о нём. Впрочем, как и о друиде Тонтиорисе. Но ты хочешь убедить меня, что друид учил тебя боевому искусству? Этого не может быть.

– Он не учил меня владению оружием.

– Но ты же сам сказал, что Тонтиорис учил тебя сражаться.

– Сражаться можно не только мечом. Не только оружие и умелое владение им позволяет победить в бою.

– Палка! Ты говоришь о палке? – в голосе Казоира сквозило непонимание.

– Вовсе нет, – слегка раздражённо ответил Арс, – вовсе не о палке.

– Тогда я тебя не понимаю.

– Я говорю о запахах. Разве ты не знаешь, что мы живём в мире запахов? Всё, что нас окружает, источает запах. Деревья, камни, вода, трава, воздух. А живые существа! В зависимости от своего состояния одно и то же существо может пахнуть по-разному. Спокойно пасущийся олень пахнет совсем не так, как пахнет в момент испуга. А человек! Он, как и животные, меняет запах без перерыва. Если человек спит, его запах почти не различим. В момент пробуждения запах делается сильнее. По запаху я могу определить, когда человек болен или напуган, когда зол, или когда получил смертельную рану. Ты, разве не знаешь, что львиной долей восприятия окружающего мира ты обязан своему носу? Особенно в темноте. В темноте человеку помогает не зрение или слух и даже не интуиция, а обоняние. Но почему-то все заслуги нашего носа мы приписываем зрению, слуху и интуиции.

– Но какое отношение это имеет к поединкам?

– Самое прямое. Сегодня днем на арене момент для удара мне подсказали не глаза, ведь я смотрел в землю, не предчувствие, а запах. Когда Кастул сделал замах мечом, чтобы ударить меня, я как будто всем своим естеством ощутил мощный выброс запахов его тела. Всё именно так и происходит. Человек слышит новый или изменённый запах, но не осознаёт этого и начинает думать, что ему что-то послышалось, что-то показалось. Это побуждает его к действию, принятию решений и лишь благодаря ощущениям, которые вызваны его собственным носом. Понимать такие состояния меня научил Тонтиорис.

– Ты смог бы и меня научить распознавать запахи?

– К сожалению нет. Тонтиорис выбрал меня для обучения, потому что надеялся, что со временем я его заменю. Он говорил, что мое умение разбираться в том, как пахнет мир, является врождённым и научиться этому без качеств, которые подарены человеку самой природой, просто невозможно. Но когда я подросток, он прекратил моё обучение, так как по его словам, запах воина во мне возобладал над остальными. После этого, по просьбе Тонтиориса, моим обучением занялся Эпоредорикс.

– Ты удивительный человек, Оилилл, и удивительные вещи мне рассказал. Я не боюсь умереть в бою. Смерть в сражении почётна, но очень надеюсь, что судьба не сведёт нас на арене, ведь умереть так, как умер Кастул, от учебного меча, не очень-то и достойно.

– А я надеюсь, – тихонько рассмеявшись, ответил Арс, – сражаться деревяшкой меня больше не заставят.

Они замолчали. Ночь была тёплой. Луна пробежала часть своего извечного пути и, наконец, заглянула в окна гладиаторской казармы. Собаки стихли. Полновесная тишина окутала спящий город.

– Оилилл? – Казоир снова окликнул Арса.

– Я не сплю, – Арс дал понять, что готов к разговору.

– А как тебе удаётся всё время оставаться таким невозмутимым?

Арс помолчал, собираясь с мыслями, затем произнёс.

– Ты даже не представляешь, какие ураганы бушуют в моём сердце. Когда Кастул упал мёртвым, я был готов расплакаться. Но Тонтиорис научил меня скрывать эмоции и сдерживать себя, ведь ничто не должно мешать правильному восприятию обстановки.

– Тебе было жаль Кастула?

– Немного. Больше всего мне было жаль себя. Я зол и обижен на богов за то, что они послали на нас такие испытания и забросили меня, и Гена, моего младшего брата в Рим в качестве рабов. За что Альбиорикс – царь мира разгневался на галлов?

– Похоже, что там, наверху, где живут боги, Альбиорикс проиграл войну Юпитеру, – голос Казоира прозвучал грустно.

В это время, примерно в тысяче метров от того места, где лежал без сна Арс, в доме Гая Юлия Цезаря, его младший брат Ген мысленно возносил молитву Альбиориксу, прося бога достойно принять душу своего старшего брата, которого он считал умершим.

Ген уже привык к своему новому имени, охотно откликался на него, а так как племя не успело дать ему второе имя, он решил считать имя Гай своим вторым именем. На радость Цезарю и преподавателям, из него получился очень прилежный ученик, а единственный предмет, который давался ему с трудом, был уже не правописание, а борьба. Борьба среди знати слыла дисциплиной, недостойной истинного аристократа, потому, знакомые и друзья укоряли Цезаря за то, что тот разрешил заниматься племяннику дисциплиной простолудинов. По их мнению, не подобало барахтаться аристократу в песке или опилках в обнимку с голым и потным соперником, но так как Ген сам попросил Юлия Цезаря отдать его в школу борьбы, тот благосклонно согласился и теперь только посмеивался на замечания друзей.

Цезарь решил дать своему подопечному образование не хуже, чем было у него самого. Своё детство Цезарь провёл в грязном и сыром районе Рима под названием Субура. Этот район во времена детства Цезаря славился тем, что был полон проституток и бедняков, а так же отсутствием интеллигенции. Проводя время за играми со сверстниками из бедных семей, юному Цезарю приходилось не только бороться, но и драться на кулаках. Тем не менее, отец Гая Цезаря, будучи государственным служащим, имел хороший достаток и сумел дать своему сыну великолепное образование. Цезарь овладел философией, поэзией и ораторским искусством, был силён в математике и геометрии, знал историю и правописание. Кроме того, он был физически развит, прекрасно фехтовал и слыл в Риме чуть ли не самым опытным наездником. Все те навыки, которыми обладал он сам, Цезарь стремился дать Гену. Ко всему прочему, у него не было предубеждения к тому, что Ген являлся галлом, а не римлянином. Возможно, это произошло благодаря ученому галлу Марку Антонию Гнифону, который в своё время привил юному Цезарю любовь к литературе и этикету. А может, в том дерзком ребёнке, каким впервые предстал перед ним Ген, он увидел самого себя. Впрочем, вполне вероятно, что оба эти фактора сыграли свою роль, в результате чего Ген появился в Риме в качестве его внучатого племянника.

Ген быстро освоился со своим новым положением. Ему нравилось учиться и Цезарь, видя это, всячески способствовал тому, чтобы тяга к знаниям не утихала. За хорошую учёбу Цезарь подарил Гену коня, который мгновенно стал любимым животным мальчишки. Он проводил с конём практически всё свободное время, обучая его словно собаку различным трюкам, а Цезарь, устроившись неподалёку в кресле с неизменным бокалом лёгкого вина в руке, с удовольствием наблюдал за дрессурой. У ног Цезаря неизменно лежал громадный мастифф по кличке Ур, которого Цезарь забрал из первого легиона, как говорится, по выслуге лет. Ур был старым, однако, всё ещё крепким псом спокойного нрава, но в то же время с отличными охранными качествами. В римской армии служило много собак этой породы. В походах на них грузили поклажу, или запрягали в небольшие повозки, а в битвах они дрались наравне с солдатами, вгрызаясь зубами в тела врагов. Все они служили и сражались до самой смерти и, к сожалению, на памяти Цезаря, ни один пёс не умер от старости. Он был рад, что забрал Ура с собой. Цезарь считал пса ветераном баталий и своим соратником, который заслужил достойную старость. Ему было приятно видеть рядом этого покрытого боевыми шрамами старого пса.

Ур признал в Гене своего человека с первой встречи и в отсутствии Цезаря неизменно следовал за ним по дому, тем самым показывая ему свою опеку. Ночью пёс спал в коридоре на циновке, располагаясь таким образом, чтобы держать под контролем двери в спальни обоих хозяев. Этой ночью, почувствовав, что Ген не спит, Ур поднялся, неслышно подошёл к кровати мальчика и аккуратно положил свою громадную голову ему на грудь. Ген благодарно обхватил голову пса двумя руками, прижал к себе, уткнулся ему в шею лицом и глухо зашептал:

– Как ты думаешь, Ур, моему брату хорошо на небесах? Он помнит обо мне? Он узнает меня, когда я встречу с ним в чертогах Альбиорикса? А может Альбиорикс не примет меня к себе из-за того, что я стал римлянином, а Юпитер откажется от меня, потому что я не перестал быть галлом? – несколько минут Ген лежал, не издавая ни звука, затем судорожно вздохнул и дрожащим шёпотом произнёс: – я так скучаю по тебе, Арс.

Ген беззвучно плакал, всё так же уткнувшись в шею пса, а пёс, понимая состояние мальчишки, затих и еле-еле дышал. В дверном проёме спальни, окутанный плотной темнотой, незримый, сложив руки на груди, наблюдал за ними Цезарь. Ему было бесконечно жаль своего приёмьша, но менять что-либо он не собирался. Конечно, можно было бы спасти и старшего брата, но в этом случае Ген никогда не станет настоящим римлянином...

– *Не спишь?* – жена нежно погладила меня по плечу.

– *Нет. После сегодняшнего происшествия не получается. Как закрою глаза, так сразу вижу два обгоревших тельца. Это чудо, что ты подросла вовремя, ведь в панике Женька обязательно побежал бы в дом к Арсюхе и мы могли бы лишиться детей.*

– *У меня тоже пепелище перед глазами. Боюсь глаза закрыть. Кстати, мне показалось, что ты довольно спокойно отнёсся к происшедшему.*

– *Куда там «спокойно». До сих пор всё внутри дрожит. Просто я стараюсь сохранять невозмутимость в присутствии детей, чтобы своим испугом не пугать их ещё больше. Помнишь, как Арся загнал сапожное шило в подушку большого пальца и едва не сомлел не столько от боли, сколько от вида шила на два сантиметра торчащего в руке? Только моя улыбка спасла его от обморока. А потом, я взял его за палец, попросил закрыть глаза и выдернул шило. Он открыл глаза, а шила в пальце нет. И боли нет, и страха нет.*

– *Я сама тогда напугалась не меньше его.*

– *Милая, так и у меня при виде пальца с торчащим из него шилом мошонка от страха сжалась. Это же наши дети и я боюсь за них, даже если ничего не происходит.*

– *Я знаю.*

– *Мне вспомнился ещё один случай. Арся побежал впереди нас, упал на асфальт, расшиб голые коленки в кровь, но даже не скривился. Ему тогда три года было. Навстречу шла молодая пара и восхитилась тем, что он не разревелся.*

– Нет, этот случай я не помню. И почему же он не заплакал?

– Он упал и тут же посмотрел на нас. Если бы мы своим видом показали ему, что испугались за него, он бы обязательно расплакался. А мы шли к нему и оба улыбались. Тогда он встал, потёр ободранные коленки ладошками и побежал дальше.

– Жесткие мы с тобой родители, – шутливо сказала жена и поцеловала меня в щёку.

– Это не жестокость. Это результат нашего спортивного образа жизни. В спорте без травм не бывает и если ойкать из-за каждой болячки, будет уже не до тренировок. Ты, например, ещё школьницей, играя в гандбол, сломала палец, а родители даже не узнали об этом.

– Да я и сама не подумала, что это перелом. Поболел какое-то время и перестал. Правда, кривой слегка получился.

– Зато теперь это мой любимый пальчик, – я нашёл в темноте её руку и ласково коснулся сломанного мизинца губами.

– Может по чаю?

– Нет, – ответил я, – только не чай. И так взбудораженный весь. Лучшее молоко.

Мы встали, накинули халаты и босиком прошлёпали на кухню. Свет не включали, так как в окна светила огромная полная луна, не замутнённая облаками. Я налил в стаканы молока и поставил их в микроволновку слегка подогреть. Плеснул немного молока в миску Малявке, которая проснулась и крутилась рядом. Затем мы прошли на террасу и уселись в ротанговые кресла.

– Римская луна, – произнесла жена, глядя на красавицу-луну.

– Почему «римская», а не «минская» или «бобруйская»? – я хохотнул, довольный своей шуткой.

– Ни в Минске, ни в Бобруйске, нигде либо ещё, мы не сидели под такой красивой лунной на ночной террасе со стаканами в руках. Только в Риме. Правда пили не молоко, а вино. Помнишь?

– Помню. Помню, что никогда не видел нашего Женьку таким раскрепощённым, как в те римские каникулы. Впрочем, они оба тогда на ухах стояли, так им нравился отдых на Средиземном море.

– Было, – жена помолчала, прикрыв глаза, затем спросила, – ты не считаешь, что сказка, которую ты рассказываешь детям на ночь, как минимум жестковата?

– Так и есть, жестковата. Но они воспринимают её адекватно, так как отождествляют братьев-галлов с собой, а у них всё хорошо, папа и мама рядом, войны нет, боёв на арене тоже. Они не воспринимают её всерьёз, они воспринимают её как очередную чудную папину сказку. А ты откуда знаешь, о чем я им рассказываю? – я был в курсе, что каждый раз, когда я рассказываю сказку детям, она сидит на пуфике под дверями детской спальни и слушает, но все равно наклонился к ней и грозным шёпотом спросил: – подслушиваешь?!

– Представь себе, – она мягко рассмеялась, – я всегда подслушиваю под дверь, когда ты повествуешь им свои чудные истории и, между прочим, всегда удивляюсь твоей фантазии. Тебе бы писателем стать, а не учёным.

– Думаешь? Они же скучные и нудные, эти истории.

– Тогда ответь, почему дети ждут их с таким нетерпением?

– Потому, что у нас особенные и самые обалденные дети.

– Несомненно.

Мы потянулись друг к другу через спинки кресел и поцеловались. У моей жены не смотря на возраст, губы цветом, как губы грудного ребёнка и мне безумно это нравилось. Сейчас они вдобавок имели вкус молока, пахли молоком, а это мне нравилось вдвойне.

– Как у тебя дела на работе? – через какое-то время спросила жена. Я вздохнул:

– Загвоздка на загвоздке. Я тебе рассказывал, про образец металла с другой планеты, который нам поручили исследовать? Который день мы ведём с ним безуспешную борьбу.

– Ты говорил, но не упоминал что это такое. Метеорит?

– С метеоритом мы бы справились в два счёта. Я, как обычно, захожу слишком далеко, рассказывая тебе об этом, ведь на эти исследования наложен гриф секретности, но ты же у меня большая умница, потому я слегка приоткрою для тебя завесу тайны. Это не метеорит, не образец руды и не иной кусок металла природного происхождения. Это изделие. Образец инопланетных технологий. Готовое законченное изделие из металлического сплава. И именно из-за особых добавок в сплаве, мы не можем к нему подступиться. Он мгновенно поглощает теплоту и практически не нагревается даже от газовой горелки. В то же время прекрасно сохраняет температуру естественной не аномальной окружающей среды, в которой находится. Мы даже не смогли его поцарапать!

– И что это за изделие? Оно похоже на что-нибудь земное?

– Не могу тебе этого сказать. Я понимаю, что сказал тебе столько, что такая малость, как название самого предмета и его формы уже не играет роли. Но должен же я соблюсти хоть часть секретности.

– Может его можно сломать? Или это опасно.

– Нет, не опасно. Мы пытались проверить предмет на излом. Он пружинистый и изгибается до какой-то степени, но чем больше прилагаешь к предмету усилия, тем более жёстким он становится и в какой-то момент перестаёт поддаваться давлению. Мы даже возили его в Минский Технологический Университет. Ты же помнишь, что там сохранился самый большой и самый мощный в Европе гидравлический пресс?

– Я его видела.

– Наш предмет победил этот пресс! Мы изогнули предмет и закрепили в изогнутом состоянии мощными струбцинами. В таком изогнутом виде вставили в пресс. Пресс опустил примерно на пять сантиметров и больше не сдвинулся ни на миллиметр.

– Как бы я хотела узнать все подробности. В дополнение к той, что ты невольно выдал сам.

– Это что же я тебе выдал, не ведая того? – удивился я.

– Из твоего рассказа я сделала вывод, что ваш предмет длинный, узкий и плоский. Вот только с длиной не определилась. Но явно не короче пятнадцати сантиметров, в противном случае нет смысла сгибать. Хотя я могу ошибаться.

Я рассмеялся:

– Милый ты мой «Шерлок Холмс», – мы поцеловались.

– Я угадала?

– Не скажу. Но смею тебя заверить, что когда после исследований с них снимут гриф секретности, ты непременно узнаешь обо всём...

Первое, что увидел Ген, проснувшись утром – спящий у его кровати Ур. Это было не в обыкновении пса, но учитывая то, как он успокаивал Гена ночью, Ген принял поведение Ура как должное. С этого дня Ур спал только возле кровати младшего хозяина, хотя, надо сказать, Ур не считал Гена хозяином. Он считал мальчишку своим подопечным.

Ещё сонного Гена привлекло нечто, лежавшее на скамье, стоявшей под окном. Предмет, привлёкший его внимание, был довольно объёмным и накрыт красной парчой. Моментально проснувшись, Ген соскочил с кровати, подошёл к скамье и сдёрнул ткань. Его брови изумлённо поползли вверх. На скамье, сверкая бронзой и серебром, лежали парадные доспехи лорика-мускулата. Доспехи были его размера, с отделкой не хуже, чем отделка на парадных доспехах Гая Юлия. Такого подарка он не ожидал. От радости все мрачные мысли этой ночи вылетели из головы, а утро в глазах Гена наполнилось яркими и сочными красками. Ур, чувствуя возбужденное состояние мальчишки, однако, не понимая его причин, встревожено гавкнул.

В комнату вошёл Цезарь.

– Не хочешь примерить? – с порога спросил он.

– Безумно хочу.

– Давай-ка, я тебе помогу их надеть, – с этими словами Цезарь взял со скамьи шлем и нахлобучил его задом наперёд на голову Гену. Оттолкнул Гена от себя, оглядывая мальчишку с ног до головы и видя счастливую физиономию своего приёмыша, довольно расхохотался.

Ген быстро и умело облачился в обновку, вскочил верхом на Ура и выхватил из ножен короткий меч.

– Вперёд Ур! – Ур не сдвинулся с места. Вес мальчика не был ему большой помехой, ведь раньше он часто таскал на себе тяжёлую поклажу, но с возрастом обленился и тогда Ген схитрил, – кушать, Ур!

Под несмолкаемый смех Цезаря Ур охотно затрусил в столовую, неся на спине гордо восседающего Гена.

За завтраком Ген положил шлем на стол прямо перед собой и пока жевал, любовался в нём своим отражением, изредка отвлекаясь на тарелку с едой, а Гай в свою очередь, бесконечно довольный собой, любовался своим приёмышем. Эти доспехи были заказаны мастеру сразу же после прибытия Цезаря и Гена в Рим. Цезарь планировал подарить их гораздо позже, но сегодняшнее ночное происшествие изменило его намерения, о чём он ни капли не сожалел, так как счастливый Ген делал счастливым его самого.

– Ты завтрак не затягивай, – Цезарь напомнил Гену об его обязанностях, – тебе нужно успеть переодеться, чтобы не опоздать в школу.

В школе, впрочем, как и во всём Риме, разговоры шли только о новом гладиаторе из школы Кезона. Эти пересуды распространялись по Риму со скоростью цунами. Как цунами, которое с каждым новым метром пути становится выше, так и пересуды с каждым новым обсуждением всё больше и больше обрастали вымышленными подробностями. К тому моменту, как сплетни достигли ушей Гена, новый гладиатор, моментально сделавшийся знаменитым, добавил двадцать сантиметров в росте, тридцать килограммов в весе, а в возрасте стал старше на десять лет. Именно по этой причине имя Эльфо ни о чём не сказало Гену, ведь в сплетне больше не было ни одного совпадения, которое могло бы напомнить ему о брате.

За обедом Ген попросил Цезаря взять его на гладиаторские бои, которые должны состояться в Тубилустрий – праздник, посвящённый самому Вулкану. Гладиаторские бои в Риме хоть и не были в новинку, но только в этот период существования Римской Республики приобрели бешеную популярность, потому появление в школе Кезона необычного гладиатора предвещало на Тубилустрий полный аншлаг. Цезарь, который сам редко присутствовал на боях гладиаторов, отказал Гену.

– Я считаю, что зрелище, где воины проливают кровь друг другу на потеху зрителей, не является достойным и поучительным для подростка вроде тебя.

– Но некоторые ребята из нашей школы уже были на боях и собираются посетить их вновь, – обиженно заявил Ген.

– Это решение их родителей, а моё решение я тебе уже озвучил, – жёстко произнёс Цезарь и по его голосу Ген понял, что лучше отступить. И он отступился. Но не сдался.

6

Арсу выдали новые доспехи и копье, так как выяснилось, что он владеет им хуже, чем мечом, или луком. Кезон, возжелавший сделать Арса фаворитом своей гладиаторской школы вместо павшего на арене Кастула, очень хотел, чтобы Арс сражался мечом, но личное распоряжение легата Тита Лабиена сломило его сопротивление. Галл обязан умереть и отсутствие хороших навыков владения копьем, могли поспособствовать этому. В качестве компенсации хитрый Кезон выторговал у Лабиена обещание, что Арс, сколько бы раз ему не пришлось выходить на арену, впредь не будет сражаться с бойцами его школы. Тит Лабиен и присутствовавший при разговоре Гай Децим, согласились, признав такое требование резонным.

Для предстоящего боя Арс, как и прошлый раз, был облачен галлом. Лёгкая одежда, копье, шлем, а также небольшой круглый галльский щит обрадовали Арса, так как такие доспехи были ему привычны и не мешали быстрому передвижению. Устроители боёв могли бы избавиться от него гораздо быстрее, одев самнитом, а не легковооружённым бойцом, ведь в тяжёлых доспехах Арс не сражался ни разу в жизни. Видимо, у римлян уже устоялось мнение, что тяжёловооружённый солдат имеет преимущество перед воином в лёгком снаряжении.

Казоир, разъяснявший Арсу все тонкости мира гладиаторов, предупредил его, что сегодня он будет сражаться против рудиария Секста. Секст слыл опытным и опасным бойцом и заслужил на арене деревянный меч – символ свободы. Как и многие гладиаторы до него, получив желанную свободу, Секст неожиданно для себя понял, что ничего другого, как убивать на арене себе подобных, делать не умеет. Этот прискорбный факт подвиг его снова податься в гладиаторы, только на этот раз в качестве рудиария. Помимо большого опыта, который Секст приобрёл в многочисленных боях, он отличался от остальных гладиаторов гигантским ростом и силой быка. Такая мощь не делала его менее подвижным, чем остальные бойцы. Он был быстр и ловок. К тому же Секст сам вызвался выступить против Арса, услышав о том, насколько быстро тот разделался с предыдущим своим противником. Секст знал павшего Кастула, слышал, что говорила о нём молва, потому планировал сразиться с ним на арене, чтобы забрать его славу себе, но его опередили. Он ни сколько не сомневался в победе над молодым галлом. Зная, что молодой галл будет одет как галл, Секст посчитал символичным, если он сам оденется римским солдатом, как Кастул в свой последний поединок. Только в отличие от Кастула, Секст решил для себя, что ни при каких условиях не отбросит в сторону skutum – ростовой щит легионера, сделанный из цельного бронзового листа, которым он управлялся так, словно тот ничего не весил.

Гладиаторы сделали круг по арене, приветствуя зрителей, затем вышли в центр, где выстроились в две шеренги лицом друг к другу. Бойцы противоборствующих школ всматривались в лица стоявших напротив людей, стараясь угадать, кто с кем будет сражаться. Только Арс и Секст с первого взгляда узнали друг в друге противников. Секст немного опешил, увидев единственного бойца, одетого галлом, настолько юным и нежным тот ему показался. Всё же он напомнил себе о судьбе Кастула и о том, что ни в коем случае нельзя недооценивать противника, как бы тот не выглядел. Арс же в свою очередь, во все глаза смотрел на Секста. Казоир дал достаточно точное описание Сексту, но все равно Арс не ожидал увидеть перед собой такого великана. Средний рост римлян составлял один метр шестьдесят сантиметров, а средний рост галлов – на десять сантиметров выше. Арс, не самый высокий из галлов, неизменно производил впечатление на римлян своим ростом. Но Секст! Секст был на голову выше самого высокого галла, которого когда-либо встречал Арс. Это был действительно колосс! Сжимая в руке своё копье, которым он так и не научился владеть в совершенстве, Арс впервые в жизни впустил в душу сомнение в собственных силах, ведь он прекрасно понимал, в чём различия

между единоборством и массовой битвой. Безусловно, его враг ведал, что Арс опасен, но в свою очередь, Арс увидел перед собой человека, наводящего ужас только одним своим видом и мысль, что этот гигант заработал на арене свободу, неизменно выходя победителем из схваток, делала Секста в глазах юного галла ещё более страшным.

Уже находясь в помещениях под трибунами, и наблюдая за первым боем, Арс задал Казо-иру вопрос:

– Скажи, Казоир, у меня есть шанс победить этого исполина?

– За все те дни, что ты находишься в нашей школе, ни один гладиатор не смог ударить тебя в тренировочном бою. Будь самим собой и Секст не сможет тебе ничего сделать.

– Но до сих пор я не сражался копьём даже на войне.

– Ты справишься, ведь если он убьёт тебя, я, являясь сегодня твоим тетриарием, умру вслед за тобой. Если конечно, перед тем, как издохнуть, ты не нанесёшь Сексту смертельную рану, – Казоир беспечно рассмеялся, – впрочем, я не избегаю мысли, что смог бы убить Секста сам.

Арс ничего не ответил. Он смотрел на проходившие один за одним бои, но словно не видел их, ведь в голове он разрабатывал план будущего сражения.

Наконец эридатор выкрикнул имена Секста и Арса. Они вышли с противоположных сторон арены и остановились в центре. Несколько секунд рассматривали друг друга, словно взвешивая, затем повернулись, приветствуя зрителей, а после команды эридатора разошлись в стороны. Застыли, ожидая звука труб – спокойный внешне и расслабленный Арс напротив напряжённого, будто взведённая пружина и играющего мускулами Секста. Бой начался прямо противоположно бою Арса с Кастулом. В свой первый поединок на арене Арс оставался неподвижным, а Кастул опрометчиво бросился на него. Сегодня происходило всё в точности наоборот.

Секст только начал неторопливое и осторожное сближение, как Арс стремительно бросился вперёд и в несколько скачков оказался прямо перед ним. Упал с разгона на колени, откинув туловище назад и прижав копьё к груди параллельно земле. Проехал на коленях между ног Секста, подобных на две колонны и ткнул что есть мочи копьём в незащищённую сзади икроножную мышцу противника. Секст разгадал манёвр галла, мгновенно развернулся всем корпусом и резко опустил щит на землю. Нижнее ребро щита ударило по наконечнику копья и если бы не песчаный грунт арены, копьё непременно бы сломалось от такого удара. Арс выдернул копьё из-под щита и вскочил на ноги. Грозный противник уже успел полностью развернуться и выбросить в ударе руку с мечом. Гладиус, направленный уверенной рукой Стикса чуть выше круглого щита галла в область шеи, уже готов был перерубить её, но вместо шеи встретил древко копья. Удар пришёлся посередине оружия Арса. Режущая кромка меча углубилась в древко и в этот момент, каким-то непостижимым движением Арс провернул копьё, обезоруживая своего многоопытного противника. Меч, застрявший в древесине, выскочил из ладони Стикса, взлетел вверх, улетаая к середине арены, а вслед за мечом к середине арены устремился Арс.

Опешивший от того, что мальчишка так ловко разоружил его в самом начале поединка, Секст остался стоять на месте. Он поднял большой щит на уровень глаз, уходя в глухую защиту, ведь ничего другого ему не оставалось. Зрители уже не сидели. Они вскочили на ноги, а их возбуждённый ор был подобен птичьему базару. Арс переложил копьё в руку со щитом и поднял с земли меч. Он посмотрел на стоявшего в отдалении гиганта и точным ударом перерубил надрубленной древко пополам. Зрители негодуяще загудели, так как Секст оставался без оружия и к тому же, лишался шанса поднять не нужное Арсу копьё. Арс проигнорировал гудение трибун. Он стряхнул с руки щит. Гудение тут же стихло. Толпа заинтересованно наблюдала за развитием событий.

Никто из зрителей не ожидал от галла такого поступка, потому, когда Арс метнул меч в сторону противника, а сам взял в каждую руку по обломку копья, трибуны взвыли в едином восторженном возгласе. Гладиус, пролетев пол арены, ударился о щит Секста и упал к ногам исполина. Тот поднял меч и медленно двинулся к Арсу, который приветствуя трибуны, вскинул руки с обломками копья вверх. Трибуны скандировали его имя, а Арс, помня слова Казоира, что гладиаторские бои не просто убийство, а ещё и спектакль, начал своё смертельное театральное действие.

Ген просчитал план побега до мелочей. Когда носилки с Цезарем отбыли в сторону Арены, Ген свистнул Уру и вместе с ним пошёл к конюшням. Скрывшись в сумраке дверного проёма, он усадил пса мордой к выходу и дал команду охранять, а сам прошёл вглубь, вывел своего коня из стойла, провёл его по проходу к стене, узкое окно которого выходило на улицу. Ген поставил коня возле стены, вкарабкался с ногами ему на спину и нырнул головой вперёд в оконный проём. Шлёпнувшись спиной на траву, он тут же вскочил и, что есть духу, припустил к Арене. Прибежав на место, Ген спрятался за углом здания, ближе всех расположенного к проходу на арену и стал ждать носилки Цезаря, надеясь, что успеет отдышаться. Когда носилки проплыли мимо него, он просто пристроился сзади. Сделав скучающий вид, Ген прошёл за Цезарем мимо стражи. Стража увидела именно то, что нужно было Гену – Цезарь с племянником пришли на игры гладиаторов. Поравнявшись со скамьями для зрителей, на которых обычно сидели римляне среднего достатка, Ген шмыгнул в сторону и уселся почти у самого выхода, рядом с тучным горожанином, который чавкая, с безразличием ко всему окружавшему его, жевал вяленое мясо, нарезанное тонкими полосками. Мясо лежало в плетёной коробке среднего размера и по количеству мяса в ней, Ген понял, что горожанин не скоро обратит на него внимание.

Самим интересным боем Ген посчитал бой двух прегенариев, которые выступали первыми. Они сражались деревянными мечами, а вместо доспехов, их предплечья и голени были обмотаны тряпками. Бойцы были юркими и гибкими, а их бой был похож скорее на акробатический номер, чем на битву. К тому же, их выступление сопровождалось музыкой. Выступления остальных бойцов вызвали у Гена скуку, он даже подумал о том, чтобы уйти, но вспомнив, что пришёл сюда ради того, чтобы увидеть гладиатора Эльфо, стал терпеливо ждать. Наконец объявили последний бой. Ген приподнялся и вытянул шею, чтобы лучше рассмотреть Эльфо. Секст идеально подходил под то описание, которое слышал Ген. К тому же он выходил на арену практически напротив Гена и мальчишка, приняв его за Эльфо, застыл, восхищённо разглядывая грозного исполина в красивых доспехах римского легионера и с убранством из перьев на шлеме, делавшего гиганта ещё выше. Он даже не заметил, как неподалёку от него из-под трибун вышел брат. Когда бойцы сошлись посередине арены и Ген наконец-то рассмотрел второго бойца, его сердце затрепетало, а перед глазами поплыли тёмные круги. Гена раздирало смешанное чувство. В нём соединились радость и страх. Радость от того, что его брат жив и страх, что сейчас он умрёт у него на глазах. Умрет здесь, на этой римской арене, не в бою, а как сказал ему ранее Цезарь – на потеху зрителям. Одновременно с этим чувством пришло осознание, что он не в состоянии помочь брату. Даже выскочи Ген на арену, чтобы стать рядом с братом плечом к плечу против этого невероятного противника, его непременно схватит стража и выведет прочь за пределы арены. Тогда он уже никогда не увидит брата, ни живым, ни мёртвым.

Ген застыл, не спуская с брата глаз. Так случилось, что именно в этот момент на нём остановился взгляд Цезаря. Цезарь даже не понял, почему посмотрел в ту сторону. Он как будто почувствовал небывалый всплеск эмоций, что исходил от его приёмщика. С этого момента великий диктатор не сводил с него озабоченного взгляда. По тому, как держался Ген, увидев вновь обрётённого брата, которого мог опять потерять в любую секунду, Цезарь всё больше убеждался в том, что сделал правильный выбор, взяв этого мальчишку под своё покровительство. Наблюдая за своим приёмщиком, Цезарь не слышал криков неистовствовавшей вокруг толпы,

не видел боя, что сопровождался этими криками и только, когда выражение страха за жизнь брата на лице Гена сменилось интересом и восхищением, Цезарь расслабился и перевёл взгляд на сражавшихся гладиаторов.

На арене Арс разворачивал действие. Он танцевал вокруг Секста свой удивительный танец и ни Секст, ни наблюдавшие за избиением великана зрители, не могли просчитать, куда будет нанесён следующий удар. Секст уже был практически обездвижен, ведь на правой икроножной мышце у него вздулся отчётливо видимый с трибун ужасный чёрный кровоподтёк. Левая икра, в свою очередь, была разорвана наконечником копья. Из неё обильно текла кровь, обогряя песок вокруг раненного исполина. Тем не менее, Секст оставался достаточно грозным и опасным. Арс двигался вокруг него быстро и в то же время плавно. Он как будто скользил над песком. Именно это скольжение мешало Сексту и зрителям угадать начало очередного удара и место, в котором он завершится. Обломки копья мелькали перед Секстом, но благодаря огромному щиту он был хорошо защищён, а осознав, что противник не стремится убить его, ещё и спокоен. Закрывшись щитом, он искал способы снискать победу, однако его меч постоянно рубил пустоту.

Поиграв с Секстом несколько минут на радость публике, Арс решил, что пора заканчивать бой и в неуловимом ударе обломком копья сломал Сексту нижнюю челюсть. Удар оглушил Секста. Он грохнулся на спину и несколько секунд лежал без движения. Арс уже собрался обратиться за решением судьбы Секста к зрителям, но великан зашевелился и начал подниматься на ноги. Галл дал ему встать, принять оборонительное положение и снова закружил вокруг него. Сделав несколько обманных движений, позволил Сексту раскрыться и новым ударом сломал ему нос. Исполин вновь опрокинулся навзничь, разбрызгивая кровь из разбитого лица. Больше он не поднялся.

Арс отбросил в сторону уже не нужную часть обломанного древка, подошёл к поверженному великану, снял с головы его шлём, поставил колено ему на грудь, а наконечником сломанного копья нацелился исполину в шею. Секст был без сознания. Он тяжело дышал, издавая булькающие звуки, а в том месте, где недавно был его нос, пенилась большими пузырями кровь. Когда Арс поднял взгляд на трибуны, чтобы узнать решение зрителей, его глаза выхватили из многоликой толпы лицо брата. Ген стоял, взобравшись на скамью, одетый как зажиточный горожанин и тянул большой палец правой руки вверх. Решение остальных зрителей стало для Арса безразличным. Он рывком перевернул поверженного противника на живот и заботливо уложил его голову на бок, чтобы до сих пор не пришедший в сознание Секст не захлебнулся собственной кровью. Затем встал в полный рост и, не отрывая взгляда от брата, направился к трибуне, на которой тот сидел. Он не видел, что справа от него Цезарь показывал тот же жест пощады, что и Ген, одновременно давая распоряжения своей страже...

7

– Па, а ты привезёшь мне из Филадельфии подарок, – встретил меня вопросом Женька, не успев я переступить через порог дома.

– Не из Филадельфии, а из Белфаста. Ты всё перепутал, сын. Тебе мама про мою поездку рассказала?

– Ага.

– Придумал, какой подарок хочешь?

– Кролика.

– Живого?

– Ага.

– Его же Малявка съест.

– А я кролика в клетке держать буду.

– Это жестоко – держать его в клетке. Ты бы хотел, чтобы мы с мамой держали тебя в клетке?

– Тогда мы Малявку в клетку посадим, – недолго думая заявил Женька.

– А Малявку тебе значит не жалко?

– Жалко, но она же кролика съест.

– Выходит, единственно правильное решение – не заводить кролика. Тем более, что совершенно нет смысла везти его из Белфаста, когда кролика и у нас купить можно. Ты подумай над подарком ещё, а перед сном обсудим.

Мы вместе проишли в гостиную. Жена сидела в кресле с планшетом в руках, а Арся листал какую-то книгу, уютно устроившись в углу дивана. Я подошёл к нему и заглянул на обложку книги. К моему удивлению это был «Атлас-определитель птиц» из моего кабинета.

– Чем тебя заинтересовала эта книжка?

– Видел несколько птиц и захотел узнать, как они называются. Под крышей сарая семья пичонок живёт, а под навесом Байрона – зарянки. За озером на дереве кобчики гнездо свили. Я видел, как чёрный коршун хотел их прогнать, а они вдвоём от него отбились. А ещё на нашу вишню прилетали три дубоноса. Па, я даже не знал, что у нас такие красивые птицы водятся.

– Твоя любознательность похвальна, но почему ты ходил за озеро? – я недовольно нахмурился.

Тут же встрял Женька:

– Мы не ходили за озеро. Мы перед озером были. Оттуда ещё лучше всё видно. И Байрон с Малявкой тоже с нами были.

– Интересно, а как ты рассмотрел, что это кобчики, да ещё с такого расстояния? – мой вопрос был адресован старшему сыну, но ответил на него опять младший.

– Я через бинокль смотрел, а Арся через прицел.

– Что значит через прицел? Вы брали с собой винтовку? – я был готов вспылить, но тут в разговор вступила мама.

– Винтовку твою никто не трогал. Дети брали старое ижевское пневматическое ружьё. Они спросили у меня дозволения. Я им разрешила. Даже пульки с собой дала, – говоря это, она даже не оторвала взгляд от планшета.

– Стреляли в кого-нибудь?

– Я им мишени распечатала на принтере и взяла слово, что по животным стрелять не будут, – жена поставила точку в этом разговоре.

Я решил, что привезу детям в подарок. Это будут два хороших бинокля и фотоаппарат с мощной оптикой. Может быть, благодаря этому подарку у них появится такое интересное хобби, как фотоохота. Я вышел на кухню и отправил сообщение в Белфаст своему другу с просьбой подготовить подарок, так как времени ходить по магазинам у меня не будет.

Сзади подошла жена и обняла меня, прижавшись к моей спине.

– Ты надолго в командировку?

– Два дня. Ты же знаешь, что у нас нет лабораторных электродуговых печей большой мощности. Только промышленная, а промышленную никто не разрешит останавливать ради эксперимента. Ближайшая лабораторная печь в Белфасте. К тому же она самая мощная из всех существующих сегодня. Наша институтская печь выдаёт на дуге максимум четыре тысячи градусов по Цельсию, а белфастовская способна выдать двенадцать тысяч, то есть втрое больше. Я был против попыток нагревать объект в печи, тем более, что мы даже не попробовали проводить опыт в нашей. Но международный консилиум настаивает на таком эксперименте. Вот и решили весь эксперимент с нагревом проводить в Белфасте, чтобы не повторяться в случае неудачи с нашей печью. Хотят по спектру определить полный состав. Мы уже его нагревали до полутора тысяч градусов и ничего – пишик. У меня впечатление, переходящее в уверенность, что объект поглощает тепло и перебрасывает его куда-то. Но как доказать, если мы не можем ничего обнаружить?

– То, что вы изучаете, это прибор что ли?

– Секрет, – улыбнулся я, – аль забыла? Так вот, переброска тепла начинается только при определённой критической температуре. Мы смогли увеличить температуру объекта до пятидесяти двух градусов по Цельсию, а сразу после этого показателя начинается мгновенное поглощение тепла. Тупик полный. В сотой доле миллиметра от его поверхности бушуют полторы тысячи градусов, а ему хоть бы хны. Как будто вокруг него некое силовое поле, которое наша наука не в состоянии определить.

– Я уверена, что рано или поздно вы разберётесь с этим феноменом, – жена плотней прижалась к моей спине. – А пока, давай я тебя накормлю...

– Я хочу поговорить с твоим братом наедине, – Цезарь взглянул на Гена. Его приёмный стоял, прижавшись к боку брата, улыбаясь во весь рот. Ген поднял глаза на брата и когда тот утверждающе кивнул, вышел из кабинета Цезаря. В сопровождении Ура он отправился в свою спальню, где усевшись на скамью, стал ждать.

– Ты понимаешь, что я хочу поговорить с тобой о брате? – Цезарь владел языком кельтов, потому общение с галлом не составляло для него труда.

– Да, понимаю, – Арс уже успел отойти от того приятного шока, который постиг его, когда он узнал, что его Ген живёт в доме Цезаря на правах римлянина.

– Не скрою, – продолжил Цезарь. – Мне было бы гораздо спокойней, если бы ты оказался мёртв. Именно это и должно было произойти сегодня на арене, ведь все, кто знал Секста, ставили на него. К моему удивлению не произошло. Однако, центурион шестнадцатого легиона Иэкобус Ремус, который знает о тебе не понаслышке, уже поведал мне о подвигах, совершённых тобой в те дни, когда ты сражался в рядах Верцингеторикса. Теперь мне понятно, почему у Секста не было ни единого шанса. Думаю, что ты даже не догадываешься, что там, под Алезией, мои командиры назначали за тебя награду. Не малую награду. Ты меня несказанно удивил, Эльфо, и я, признаться, до сих пор нахожусь в некотором замешательстве. Я мог бы посодействовать твоей службе в рядах римской армии, мог бы предложить тебе продолжить карьеру гладиатора в качестве рудиария на особом положении. Уверен, что ты затмил бы славу Гая Ганника, но всё это меня не устраивает, – Цезарь задумчиво рассматривал стоявшего перед собой юношу. – Не устраивает всего лишь по одной причине – если ты будешь находиться в Риме, я не смогу помешать твоему общению с братом, а в этом случае, по Риму неизбежно пойдут разговоры и вскорости все будут знать, что он не является моим племянни-

ком. В случае разоблачения, я буду вынужден избавиться от него, отправив его куда-нибудь в провинцию в качестве пусть и привилегированного, но, всё же раба. Тебе так же предстоит стать рабом и вовсе не факт, что вы будете вместе. Возможно и скорее всего, тебя продадут в какую-нибудь школу гладиаторов. Став гладиатором снова, тебе придётся завоёвывать свободу на арене. То, что ты сможешь её заслужить, также не является убедительным фактом. Скорее всего, ты умрёшь гораздо раньше, благодаря трагической случайности.

– Почему бы тебе не отпустить нас в Галлию? – голос Арса звучал тихо и немного грустно.

– Я думал над таким вариантом. Я мог бы отпустить вас домой и даже выделить конвой в сопровождение, чтобы вы добрались до своего селения без помех, но такой вариант не устраивает меня. Не для того я дал твоему брату своё имя и ввел его в знаменитый патрицианский род Юлиев, который произошёл от самой Венеры, чтобы потом он превратился в галльского землепашца где-то на убогом отшибе Римской Республики. Ты только представь себе – твой брат Ген сегодня является представителем пусть и не самого знатного, но древнего и богатого рода Октавиев. Гай Октавий, которого в Риме благодаря моим стараниям считают отцом твоего брата, был знаменит тем, что организовал разгром остатков армии Спартака, утвердив славу Рима в величайшей войне рабов. Благодаря моему влиянию, твой брат станет одним из могущественных людей Республики. Как видишь, я предлагаю твоему брату альтернативу, которая просто несравнима с тем, что предлагаешь ты.

– Неужели такое возможно? – В голосе Арса слышалось смятение. – Если ты, Цезарь, действительно способен сделать Гена счастливым, я готов прямо в этой комнате броситься грудью на собственный меч, чтобы не мешать тебе.

– Только твоей крови мне и не хватало в этом кабинете, – добродушно и во весь голос рассмеялся Цезарь.

Смех донесся до комнаты Гена. Поняв, что брату ничего не грозит, Ген с облегчением вздохнул и расслабился. Как только волнение покинуло его, Ген почувствовал, что переживания возбудили в нем аппетит. Он вскочил на ноги и помчался на кухню. Преданный Ур затрусил следом.

– Сейчас меньше всего на свете я хочу, чтобы ты умер. Сегодня утром я этого жаждал. Когда мне доложили, что ты будешь сражаться с Секстом, я воочию решил увидеть твою кончину. Ты выжил, обрёл брата и именно ради твоего брата я больше не хочу, чтобы ты умирал, так как он не простит меня за это. Он сегодня носит имя Гай Октавий Фурин – имя моего трагически погибшего внучатого племянника и я не хочу, чтобы в этом положении вещей хоть что-то изменилось. Да, Эльфо, я клятвенно обещаю тебе, что приложу все силы, чтобы сделать Гая Октавия Фурина счастливым. Если тебе недостаточно этого, я могу поклясться своими и твоими богами, – продолжил разговор Цезарь.

– Мне достаточно твоего слова, Цезарь. А теперь скажи, что делать мне. Я согласен с тем, что если я останусь в Риме, Ген будет стремиться искать общения со мной и твои планы рухнут. В то же время, я ни как не могу понять, зачем тебе это всё нужно?

– Считаю происходящее моей прихотью. Когда я впервые увидел его, у меня возникло желание всего лишь слегка облегчить его участь, но на следующий день созрел чёткий план, который я постепенно привожу в исполнение. Может быть, я узнал в твоём брате себя. В любом случае я не знаю четкого ответа на твой вопрос, клятву я тебе дал и выполню её, чего бы мне это не стоило. Ты же в свою очередь, должен убедить его остаться, а сам уйти. Можешь уйти домой. Я дам тебе все необходимые грамоты и документы, которые помогут достичь дома беспрепятственно в том случае, если ты не нарвёшься на лихих и бесчестных людей. Днём у них нет шансов схватить тебя и продать в рабство, а вот сон свой ты должен будешь обезопасить. Для этого тебе придётся спать только в тех населённых пунктах, где есть наши гарнизоны. Я прикажу выдать тебе документы, благодаря которым ты сможешь спать прямо в казармах.

– Что мне сказать брату?

– Я думаю, что ты найдёшь нужные слова. Можешь пожить здесь два-три дня, но не больше. За это время ты должен убедить брата остаться. Будем надеяться, что ты без приключений доберёшься до лесов родной Кельтики. Отдашь моё письмо наместнику в Лугдунуме и вместе с ним решите, чем ты займёшься на родине.

Два брата лежали на одной кровати и разговаривали. Окутанные плотной ночной темнотой они слышали дыхание друг друга, чувствовали тепло от близости тел и были счастливы. Арс благодарил судьбу и богов, хранивших брата за то, что ему не выпало и сотой доли тех испытаний, что перенёс он сам. Мысленно вознося молитву всем богам Рима и Галлии, он просил их, чтобы они хранили Гена и впредь. Ещё он просил у богов помощи в поиске правильных слов, способных убедить брата в необходимости их скорой разлуки.

– Арс, я хочу пойти с тобой.

– Нет, Ген. Ты остаёшься. Разве тебе здесь плохо?

– Мне здесь нравится, но я хочу, чтобы мы больше не расставались.

– Однажды мы всё равно расстанемся. Меня могут убить на арене или на войне. Зачем оттягивать неизбежную разлуку? – Арс тяжело вздохнул. – Когда-нибудь я обязательно вернусь, чтобы увидеть, кем ты стал.

– А ты? Кем станешь ты?

– Не знаю. Честно сказать, меня не оставляет ощущение, что я совершенно лишний в этом мире. Наш дом уже никогда не будет прежним и потому, я вовсе не стремлюсь увидеть его вновь. И ты не стремись. Твой дом здесь. У тебя есть всё необходимое: кровать, конь, доспехи, в которых ты смотришься таким же щёголем, как и Цезарь. Даже пёс у тебя есть. И самое главное, у тебя есть тот, кто будет о тебе заботиться как о родном человеке, – Арс постарался придать бодрости своим словам.

– Ты Цезаря имеешь в виду?

– Да, Ген.

– Он очень хорошо обо мне заботится. Он строг и требователен, но сквозь эту строгость я чувствую и вижу его доброту ко мне. Я только не понимаю, почему он разлучил нас?

– Он поступил правильно. Если бы мы были вместе, ты бы оставался аулерком, а не римлянином. А сейчас, когда ты совсем немного прожил в доме Цезаря, разве ты не чувствуешь себя гражданином Рима?

– До того момента, как я увидел тебя на арене, я ни разу не вспомнил дом. Учёба, занятия после школы, тренировки, оказались настолько захватывающими, что я и в самом деле уже начал считать себя частью Рима.

– Именно поэтому я уйду. Я не должен мешать тебе. Может статься, что через некоторое время ты даже не захочешь со мной знаться, – Арс негромко рассмеялся.

– Никогда! Никогда не произойдёт такого, – Ген уткнулся лицом брату в плечо, – я буду всегда тебя помнить, всегда любить и всегда ждать.

– Ген – римлянин! Кто бы мог подумать! – Арс снова рассмеялся. В этом смехе была такая братская любовь, такая бесконечная нежность к нему, Гену, что Ген запомнил этот смех на всю оставшуюся жизнь.

8

Арсу оставалось пересечь Паданскую впадину, покрытую лиственными лесами, чтобы попасть в земли, где обитали галльские племена. До сих пор его путешествие протекало без происшествий и без спешки. Денег, отсчитанных щедрой рукой Цезаря у него было с избытком, продукты можно купить в любом земледельческом хозяйстве, которых хватало по обе стороны от дороги. До Ариминума Арс добрался без приключений отчасти благодаря тому, что на нём была форма римского опциона, которую он надел по настоянию Цезаря. Комплект ещё одной такой же новенькой формы был закатан в плащ. Назвать эту одежду формой можно было с большой натяжкой, так как туника и плащ легионера были мало отличны от тех, что носили простые граждане. На ногах его красовались новенькие кожаные балиги и такие же лежали за спиной в скатке. Именно балтеус – два перекрещенных ремня, связанные вместе на бёдрах и отделанные металлическими бляхами, говорил встречным, что перед ними опцион. Помимо копья, на котором, перекинув его через плечо, он нёс свои пожитки, Арс был вооружён гладиусом хиспаниенсисом – длинным римским мечом, прикреплённым справа на бедро. Ножны, в которых лежал меч, были отделаны серебром и первым, что бросалось в глаза, большой знак Цезаря на них. Этот знак давал дополнительную защиту юному галлу.

Арс, привыкший сражаться вне плотного пехотного строя, был чрезвычайно доволен, что стал обладателем именно гладиуса хиспаниесиса. Эта разновидность римского меча была длиннее остальных, а его длина приближалась к длине привычного для него германского меча. Гладиус-фулхэм или гладиус помпейский были короче и теряли свои преимущества, если солдат покидал строй и вступал в бой с противником один на один. С виду такой простой и непритязательной формы меч, каким был гладиус хиспаниесис, на деле обладал необычайными свойствами. Ни один меч, из известных Арсу, не наносил в бою столь страшных и трудно заживавших ран, как римский меч, и ни один не имел такой пробивной способности при колющем ударе, благодаря широкой режущей кромке.

Форма легионера также понравилась Арсу. Она была удобна и надёжно защищала тело. Лорика сквамата – доспех чешуйчатого типа, который в основном носили центурионы и всадники, а так же шлем «Галлик Порт», придавали уверенности в том, что тело в достаточной мере прикрыто от внезапной атаки. Единственным недостатком формы, по мнению Арса, был её вес. Вся экипировка весила больше тридцати килограмм и очень замедляла передвижение юноши. В самом начале перехода он даже собирался выкинуть подальше в кусты щит, но потом убедил себя, что владение римским снаряжением пойдёт ему на пользу. Больше всего из всей римской атрибутики, появившейся у него благодаря Цезарю, Арсу нравился пугио. Этот кинжал принадлежал лично Цезарю. Прощаясь на римской окраине, Цезарь снял кинжал со своего пояса и собственноручно одел его на Арса. Рукоять и ножны пугио были отделаны серебряной инкрустацией настолько тонкой работы, что Арс мог подолгу любоваться им сидя вечером у костра.

Арс посчитал лишним ночевать в римских гарнизонах. Он останавливался на ночлег под открытым небом, закутавшись в шерстяной плащ, зная, что собственная, невероятной организации психика не позволит кому-либо застать его врасплох. Сон его был крепким и в то же время удивительно чутким. Он быстро засыпал и мгновенно просыпался ни теряя при пробуждении ни одной секунды для осознания обстановки. В вопросе сна и бодрствования его психика находилась в первобытном состоянии дикого зверя. Да он и сам, не смотря на его молодость и миловидность, напоминал дикое животное – был силён и гибок подобно молодому горному льву, но, несмотря на это, перед тем, как лечь спать, Арс предусмотрительно разбра-

сывал вокруг мелкие сухие веточки, которые собирал заранее. Это была своего рода примитивная сигнализация, ведь их хруст вовремя выдал бы приближение чужака.

Ариминум, как и все остальные римские поселения, после увиденного Рима, не произвел на Арса большого впечатления. Он решил не задерживаться в городе, миновав его по окраине, но передумал и зашёл на рынок, чтобы купить провизии. Среди торговцев, впервые за время своего путешествия, он обнаружил несколько выходцев из Цизпаданской Галлии. Юноша случайно подслушал их разговор и, поняв, что перед ним земляки, обрадованный, заговорил с ними. Цизпаданцы, однако, отнеслись к нему с подозрением, так как галл в форме опциона вызывал определённое недоумение. Арс всё же смог убедить их, что являлся одним из близких к Верцингеториксу воинов. Торговцы смягчились. Посоветовавшись, они решили проявить своё уважение, продав Арсу продукты дешевле, чем обычно.

Закупив провиант, Арс бесцельно побродил по поселению, некоторое время проторчал в порту, наблюдая за разгрузкой и погрузкой кораблей и лодок, потом нашёл уединённую ложбинку на берегу реки Ариминус, недалеко от места, где она впадала в море. Он сложил свои вещи в глубине большого кустарника, тщательно замаскировал их, надёжно скрыв от посторонних глаз, а затем с удовольствием искупался.

Вернувшись в Ариминум, Арс хотел было пройти поселение насквозь и углубиться в лес, где собирался разбить бивак для ночлега, но неожиданно встретил одного из торговцев, с которыми познакомился утром. Торговец и юноша завели беседу, которая являлась всего лишь актом обоюдной вежливости. Узнав из разговора, что Арс, как и его жена, выходец из племени аулерков, торговец, обрадованный таким обстоятельством, незамедлительно пригласил Арса в гости. Эту ночь Арс провёл в хороших условиях, если не учитывать того обстоятельства, что почти половину её он рассказывал семье торговца о своих приключениях. Язык цизпаданских галлов немного отличался от языка племени, в котором вырос Арс, но они быстро нашли общее русло для разговора, используя галльские и римские слова и если Арс не мог подобрать нужного слова, жена торговца с удовольствием помогала ему в этом.

Утром Арс встал позднее, чем обычно. Хозяин дома уже давно ушёл на рынок, а его жена и дочь приветливо накормили гостя обильным завтраком. Арс, соскучившись по домашней стряпне, уплетал еду за обе щёки, украдкой бросая взгляды на дочь торговца. Девушка была его ровесницей, к тому же красива и стройна. Он с удовольствием поухаживал бы за ней, но красавица оказалась помолвлена и ждала назначенной свадьбы, а значит, ничто не удерживало Арса в Ариминуме.

Оставив на столе заботливых хозяев два серебряных денария в знак благодарности, Арс не спеша собрал свои вещи и вышел в город. Шагая по утренним улочкам Ариминума, он смотрел на город новым взглядом, так как узнал от торговца, что когда-то ранее Ариминум был завоёван галлами и долгое время подчинялся их владычеству. Он искал хоть какие-нибудь признаки присутствия своих предков в домах и улицах города, но видимо всесильное время стёрло их без следа.

Арс, выйдя из города, ступил на дорогу, которая вела к Кремоне и через некоторое время, сориентировавшись в направлении, пошёл напрямик. Минуя придорожные деревни, он всё больше и больше углублялся в девственный лес Паданской впадины. Дорога через лес оказалась трудной. Земля ещё не впитала влагу, оставшуюся после обильного весеннего разлива. Разлив в этом году слился с морем, превратив на короткое время Паданскую впадину в огромный, покрытый деревьями, мелководный морской залив. Многочисленные речушки и ручьи ещё не полностью вошли в свои берега, в результате чего столкнувшись на своём пути с водными преградами, Арс решил вернуться обратно на дорогу, благо на ней хватало мостов и мостиков. Он повернул в нужную ему сторону, но наткнувшись на сухой пригорок, решил переночевать в лесу, а уж потом, с утренними лучами выходить на военную дорогу римлян. Римские военные дороги были ещё одним явлением, восхитившим Арса. Они соединяли собой

все важные поселения Республики и позволяли войскам быстро передвигаться из поселения в поселение в случае необходимости. Именно это не учёл Арс, углубившись в леса с надеждой сократить путь, думая, что таким образом доберётся до Кремоны быстрее.

Ближе к ночи начал накрапывать дождик, но силки на кроликов и куропаток, которые Арс расставлял практически каждый вечер, были уже установлены, а над костром и сооружённой из сухих прошлогодних листьев лежанкой растянута плащ. Арс лежал на спине, закинув руки за голову. Он слушал лес. Для чуткого слушателя ночной лес всегда полон звуков. Для опытного слушателя все эти звуки были узнаваемы, потому, прислушиваясь к ним, Арс легко определял источник звука, будь то лесной кот, или горностаи.

Внезапно до слуха юного галла донёлся звук, которого он ранее никогда не слышал. Это было совершенно необъяснимое и непостижимое, едва-едва слышимое, находящееся на уровне вибрации звучание чего-то неведомого и потому опасного. Арс приподнялся на локтях, стараясь уловить приближение звука, но звук не приближался и не отдалялся. Он был недвижим и монотонен. Арс бесшумно нацепил на бёдра балтеус, поправил ножны с мечом и осторожно ступая, направился к источнику звука. Ему пришлось дважды переплывать речушку, делавшую в этом месте большой изгиб, прежде чем стало понятным, что до источника звука осталось не более двух десятков шагов. Тогда он лёг на живот и медленно пополз, тщательно ощупывая дорогу перед собой в поисках веток, способных своим треском его выдать.

Когда Арс осторожно раздвинул кусты, перед ним открылась большая поляна, в центре которой стояло нечто. Это нечто, по-прежнему издавая едва уловимое, приглушённое и непрерывное урчание, было неподвижно и огромно. Оно являло собой на гигантский шар белого цвета и, не смотря на издаваемый звук, казалось мертво. Чувство опасности улетучилось, но всё равно, поднимаясь на ноги, Арс оставался настороже. Некоторое время он стоял на границе поляны и леса, рассматривая непонятный объект поверх кустов, а потом вынул меч из ножен и начал медленное сближение. Меч наголо – всего лишь мера предосторожности, так как он по-прежнему не ощущал угрозы. Арс приблизился к урчащему предмету на расстоянии руки и снова застыл, вслушиваясь в звуки вокруг. Затем осторожно дотронулся ладонью до стенки шара. Шар был теплым на ощупь и это был признак живого существа, хотя присутствие жизни Арс по-прежнему не ощущал. Юноша пошел вокруг шара, не отрывая от него руки, но успел сделать только несколько шагов, как внезапно почувствовал под пальцами какое-то движение. Он отскочил в сторону, но скорее от неожиданности, чем из предосторожности. Прямо перед ним в шаре образовалось овальное отверстие, переходящее в небольшое помещение, которое было освещено изнутри мягким тусклым светом. Свет был странным, без видимых источников, отчего создавалось впечатление, что светятся сами стены. И снова отсутствие жизни. Отверстие начало сужаться, превращаясь в щель, а через мгновение исчезло, словно его и не было. Первым желанием юного галла было принудить шар снова открыть проход и проникнуть внутрь, но здравый смысл превозмог любопытство и Арс, уже не таясь, углубился в лес в сторону своей стоянки.

Дождик кончился. Добравшись до места, Арс разделся догола, разложил мокрую одежду возле костра и, завернувшись в плащ, заснул. Заснул спокойно, без сновидений, уверенный в том, что такой громадный шар за ночь никуда не исчезнет, а утром, при свете солнца, он обследует его максимально тщательно. Задержка для осмотра шара была ему по душе, так как она разбавляла однообразное путешествие чем-то интересным и познавательным. Он обязательно пойдёт дальше, но сначала необходимо понять, зачем римляне построили это странное сооружение в лесу, в стороне от дорог, и что там, собственно может вибрировать и звучать, испускающая при этом такой непонятный свет. То, что этот шар соорудили римляне, Арс ни секунды не сомневался...

В аэропорту, ожидая объявления о посадке, мы с женой коротали время в буфете, решив распить бутылочку грейпфрутового сока. Жена не любила меня провожать в аэропорт. Зато

обожаала встречать, но вот парадокс – расставаний было гораздо больше, чем встреч. Она терпеть не могла возвращаться из аэропорта одна, но упорно приезжала сюда вместе со мной, так как знала, что это нравится мне. А вот встречать меня ей порой не давали домашние хлопоты в лице двух замечательных сорванцов.

– *Послушай, милый. Я вчера лазила в интернете и наткнулась на статью, в которой описывался способ определения состава вещества с помощью рентгена.*

– *Это первое, что мы сделали. Часть веществ, составлявших наш объект, мы давно определили. Надо сказать, что определили подавляющее большинство. Уж коли ты завела об этом речь и тебе эта тема стала настолько интересна, спешу сообщить, что к нашему удивлению мы обнаружили в составе исследуемого объекта редкоземельные элементы, присутствующие южно-европейскому региону. Да в нём практически всё земного происхождения! И в то же время предмет является образцом инопланетной технологии. Добавлено нечто такое, чего мы не в состоянии определить.*

– *Почему ты мне не рассказал этого? Опять тайна?*

– *Да, милая, тайна. И я, предатель, который сливает всё тайное своей жене, – я сделал трагическое выражение лица, отчего жена, глядя на меня, рассмеялась. Люблю, когда она смеётся. Люблю, когда она плачет во время просмотра мелодрам по телевизору. Просто люблю, – надеюсь, ты в свою очередь не делишься всем этим со своими подружками, когда оккупируете по субботам нашу баню?*

– *Да брось ты. У нас, милый, хватает своих женских секретов.*

– *Я рад, что ты меня в них не посвящаешь, а то видишь, какой из меня вышел хранитель тайн.*

– *Так, может быть, ты поведаешь мне всё до конца? Ведь о визите инопланетян я знаю только то, что рассказали в новостях, – она сотворила строгое официальное лицо и забубнела, передразнивая ведущих информационного канала: – к Земле приближается неопознанный летающий объект... Неопознанный летающий объект вошёл в атмосферу Земли. Военно-космические силы приведены в состояние боевой готовности...НЛО оказался автоматически управляемым инопланетным кораблём... Инопланетный корабль угрозы не несёт... Инопланетный корабль покинул пределы Солнечной системы..., – она скривила милую плаксивую рожицу, которой я обычно не имел сил противостоять: – расскажем?*

– *Нет. – Я постарался придать голосу максимальную твёрдость, – Всеми своё время.*

– *Ну и ладно, – жена потянулась через стол и чмокнула меня в нос: – я тебе это ещё припомню по твоему возвращению. Будь уверен. Можешь валить в свой Белфаст, – она шутливо надула губы...*

Шар, при утреннем свете солнца, казался не таким огромным, каким он виделся ночью. Гладкий, белого цвета, он парил над травой. Чтобы убедиться в том, что зрение его не подводит, Арс встал на четвереньки и опустил голову к земле. Не поверив глазам, распластался на животе, стараясь просунуть руку с копьём как можно дальше под шар. Шар действительно висел в воздухе, так как в примятой копьём траве не обнаружилось ни каких опор. Оставив объяснение этого непонятного явления на потом, Арс отложил свои пожитки в сторону и снова, как прошедшей ночью, прижал ладонь к поверхности шара. Прикосновение к тёплому шару было приятным. Он погладил шар, проведя ладонью по широкой дуге вверх-вниз, прислонился на секунду-другую к стене щекой, а затем медленно пошёл вокруг, не отрывая ладони от тёплой поверхности. Трава ещё сохранила следы его предыдущего пребывания, потому, помня, что в том месте, где они прерываются, в стене откроется проход, он совсем замедлил шаг, стараясь уловить момент его появления. Тем не менее, возникновение отверстия в стенке шара всё равно застало его врасплох. Арс спонтанно отдернул руку и застыл, внимательно рассматривая открывшееся его взгляду помещение. Сейчас, в утреннем свете, оно не было освещено и выглядело меньше, чем ночью, вдобавок Арса озадачило отсутствие дверей или проёмов в

стенах, которые открылись его взору. Нижняя часть прохода располагался на уровне его паха. Он поднял ногу, чтобы опершись на колено, забраться внутрь и снова шар заставил его отскочить, так как из стены, прямо под отверстием, появились ступеньки.

Сложно описать те чувства, которые испытывал Арс, поднимаясь по ступенькам внутрь шара. Вернее всего подойдёт сравнение с собакой, которую что-то заинтересовало и она, зная, что ей ничего не грозит, старательно ищет заинтересовавший её предмет. Для разумного существа всё неизведанное должно таить угрозу, а забираясь в незнакомое место, созданное людьми, Арс обязан был убедиться, что там нет ловушек. Но даже по тому, что Арс наплевал на предосторожность, нельзя назвать его поступок смелым или глупым, ведь он был уверен, что этот шар создан руками римлян, а всё римское на территории Римской Республики не может таить опасности для её граждан. К тому же, его собственные инстинкты говорили, что бояться нечего, потому, когда за его спиной закрылся проём, а в помещении включилось освещение, он даже не обернулся. Уже приобретённый опыт подсказал ему нужное действие – он прикоснулся ладонью к стене. Стена была не только тёплая, но и бархатистая на ощупь.

Арс двинулся вперёд. Он успел сделать всего два шага, как в стене напротив него открылся прямоугольный проём в новое помещение. Стены следующей комнаты не светились, так как свет шёл из пола. Арс заглянул внутрь, уверенный, что увидит хозяев шара, но открывшееся его взору большое полукруглое помещение было пустым. Тогда он осторожно поставил ногу на светящийся пол. Убедившись, что под ногой достаточно надёжная опора, юный галл смело вошёл в помещение и огляделся. Помещение было заполнено странными предметами и мебелью, на которых там-сям мигали или просто светились разноцветные огоньки. Он подходил к каждому огоньку и подолгу вглядывался в них, стараясь понять их предназначение. Всё же ему надоело такое занятие и он, так и не придя ни к какому выводу, принялся внимательно осматривать каждую мелочь. На стенах было множество непонятных ему символов и, осмотрев каждый, Арс вернулся к предмету, который при входе в помещение заинтересовал его больше всего. Этот предмет был похож на гибрид римского кресла и кровати. Он был отделан материалом, который Арс принял за кожу высочайшей выделки. Гибрид имел широкие подлокотники, а на ощупь оказался такой же тёплый, как и всё в этом сооружении. Сняв с бёдер балтеус с мечом и кинжалом, Арс опустился в кресло, положил руки на подлокотники и расслабился. Лежать было удобно и очень приятно. Кресло мягко грело спину и это расслабляло. Арс закрыл глаза, прислушиваясь к звукам внутри шара. В этой комнате урчание было почти не различимо, зато появились лёгкие щелчки, источник которых Арс определить не смог. Внезапно он почувствовал почти неуловимый двойной толчок в спину, чуть ниже лопаток. Арс, оттолкнувшись от кресла сел прямо и вглядывался в место, на котором только что лежал. С правой стороны лежака ничего не было, кроме крошечного отверстия, а вот слева, из точно такого же отверстия торчала согнутая тонкая проволока. На ощупь она оказалась довольно упругой, но Арс, приложив некоторое усилие, всё-таки отломал её. Он захотел сохранить её на память и повернулся к лежащему на полу балтеусу, чтобы спрятать проволочку в локулус – походную сумку, в которой у него хранились документы и деньги. Локулуса на полу не оказалось. Арс вспомнил, что локулус остался с вещами и копьём снаружи, а идти за ним специально, чтобы спрятать проволочку ему было лень. Повертев проволочку какое-то время в руках, он бросил её рядом с необычным лежаком и снова удобно улёгся.

Если бы Арс был в состоянии видеть сквозь стены, он непременно заметил бы человека, вышедшего на поляну, в центре которой находился шар. Он был одет, как зажиточный римский земледелец и подходил к шару спокойно, не выказывая ни толики страха. Создавалось впечатление, что видел он это сооружение не в первый раз и оно несколько его не пугало. Когда незнакомец был буквально в нескольких шагах от того места, где открывался вход, его внимание привлекли пожитки Арса. Он быстро подошел к лежавшим в траве вещам и присев на корточки, принялся сосредоточенно их разглядывать. Его несказанно удивило присутствие

здесь вещей из экипировки легионера, а так же тот факт, что они аккуратно сложены и находятся в такой близости от шара. Оторвавшись от осмотра вещей, человек сосредоточился на следах. Следы недвусмысленно показывали, что обладатель брошенных пожиток направился к шару, а не от него, что было бы более логичным, так как у римлян, сталкивавшихся с шаром, шар неизменно вызывал страх. Откуда ему было знать, что человек, столь смело подошедший к незнакомому сооружению, был всего лишь галльским юношей, ошибочно принявшим шар за необычную римскую постройку.

В это время над Арсом, лежавшем на странном, но удобном лежаке, появился невесть откуда взявшийся прозрачный колпак, накрывший полностью его тело. Арс не успел ни удивиться, ни испугаться его появлению, так как в этот момент ему на грудь навалилось нечто невообразимо тяжелое и к тому же невидимое. Поле зрения мгновенно сузилось, словно со всех сторон к нему подступила темнота. Арс и впрямь решил, что на него обрушилась римская богиня тьмы. Она окутала его своими чёрными крыльями, сковала его члены, едва не проломала грудную клетку, вдавила глаза внутрь черепа с такой силой, что он наверняка пришёл в ужас, если бы в этот момент не потерял сознание.

Человек, который сидя на корточках, рассматривал следы на поляне, упал навзничь и ошарашенным взглядом наблюдал, как шар стремительно набирает высоту и исчезает в бездонной небесной синеве.

9

Сознание возвращалась медленно. Вместе с сознанием пришло понимание, что всё время, пока он был в беспамятстве, его организм боролся со смертью. Глаза болели так сильно, что первые минуты возврата в мир, Арс боялся их открыть. Казалось, что глаза вытекли и высохли на лице, неприятно стягивая кожу. Ломило всё тело, а лёгкие словно горели огнём. Он поднял тяжёлые руки к лицу и с облегчением убедился, что на лице, кроме высохших слёз ничего не было, а сквозь веки под пальцами обнаружились пусть и болезненные к прикосновениям, но всё же целые глазные яблоки.

Арс опустил руки вдоль тела и, по прежнему, не открывая глаз, расслабился, давая себе время на восстановление. Приятное ложе в римском шаре оказалось местом для пыток или жертвоприношений. В тоже время, Арс не понимал, как могло так случиться, что вся экзекуция прошла без участия людей. Не понимал и того, почему он жив и как римляне смогли определить, не общаясь с ним, не слыша его говора, что он галл, а не гражданин Республики? Видимо, это было капище их богов, а богам ведомо тайное. Они легко могли понять, к какому племени он принадлежит, а в живых оставили потому, что сейчас он уже не совсем галл, ведь шагая по дорогам Римской Республики, ему нравилось ощущать свою, пусть совсем незначительную, причастность к её величию. Богиня тьмы уж точно знала о нём всю подноготную, ведь скрыть от неё во время сна свои мысли не под силу никому.

Наконец, Арс решил встать. Он открыл глаза и чуть не вскрикнул от резкой боли. Глаза горели, словно в них насыпали песок. Пришлось поморгать несколько секунд, а когда стало немного легче, Арс осмотрелся. В комнате ничего не изменилось, вот только его ложе почему-то было развёрнуто в другую сторону, прямо к дверному проёму, который в свою очередь оказался распахнут, словно приглашая Арса выйти. Арс встал, сделал несколько пробных движений, а когда понял, что тело подчиняется ему, как и прежде, направился к выходу с единственной мыслью о том, что надо забрать свои вещи и сделать возле шара засаду. Уж очень ему не терпелось взглянуть на хозяев шара, будь то боги, или простые люди. По-прежнему находясь в стрессовом состоянии, он даже не обратил внимания на тот факт, что двигаться ему стало тяжелее, чем раньше, словно он поправился в одно мгновение на добрый десяток килограммов ...

Не успел я переступить порог, как меня облепили все домочадцы, включая животных. Они ждали от меня подарков и я не обманул их ожидания. Пройдя в гостиную, я с торжественным видом возложил чемодан на диван и раскрыл его. Дети, получив бинокли и фотоаппарат, умчались во двор и через минуту уже сидели на плоской крыше гаража, где имелись лежак для солнечных ванн жены и несколько ротанговых кресел. Усевшись в кресла, мальчишки принялись рассматривать верхушки деревьев и небо в бинокли настолько мощные, что даже я им немного завидовал. Малявка и Байрон, получив по лакомству из сыромятной кожи, так же убежали во двор. Они расположились под навесом, где стояла будка Байрона, которая скорей была похожа на кукольный домик, чем на жилище обыкновенной дворняги и принялись сосредоточенно грызть угощение.

Когда я достал из сумки точную копию гладиуса хиспаниенсиса, которая превосходила настоящий римский длинный меч тем, что была изготовлена из современной стали, дававшей десять очков форы римским аналогам, жена притворно закатила глаза:

– Ну конечно, себе подарок ты сделать не забыл. Тебе не надоели эти мечи? Весь второй этаж забит железом и, не ровён час, кто-нибудь случайно отрубит себе голову или того хуже, порежет палец, – она хихикнула и протянула руку за мечом, ведь он стоил того, чтобы рассмотреть его поближе.

– Это подарок друзей, – я сделал вид, что не заметил протянутой руки: – они, оказывается, помнят о моём увлечении. Кстати, оружие на втором этаже не валяется, а висит на стенах.

– Ты мне зубы не заговаривай, – видя, что с мечом я не расстанусь, она упёрла руки в бока: – где мой подарок? Я, по-твоему, напрасно провела без тебя целых три дня? Немедленно доставай мой подарок! – она игриво топнула ножкой.

– Твоего подарка здесь нет. Он в коридоре. Большая длинная жёлтая коробка, – не успел я это произнести, как жена испарилась словно призрак.

Через несколько секунд из коридора раздался треск отрываемого от картона скотча, а ещё через минуту из прихожей донеслись восхищённые охи и ахи. Я вернул меч в чемодан, повернул кресло к дверям и уселся, ожидая появления жены. Наконец, восхищённые возгласы стали приближаться и в дверном проёме появилась моя вторая половинка. Она держала в руках новенькую, ещё в заводской смазке Barrett 98В. Жена медленно шла, вытянув перед собой руки, ни на секунду не отрывая взгляда от подарка. По всему было видно, что винтовка, которая в этот момент покоилась на её раскрытых ладонях, доставляет ей несказанное эстетическое наслаждение.

– Угодил? – спросил я. Она довольно шмыгнула вымазанным в оружейное масло носом и закивала головой, по-прежнему не отводя от винтовки глаз. Я потянулся к полке на стене, взял с неё газету и расстелил на журнальном столе. Жена осторожно и бережно, словно стеклянную, опустила винтовку на столик и, стараясь ни к чему не прикасаться руками, уселась мне на колени.

– Как ты догадался? – она хотела уткнуться мне в плечо носом и тем самым выразить свою благодарность, но я запротестовал. Тогда она скосила глаза к кончику носа и поняла причину моего протеста.

– Ты бы научилась выключать ноутбук или хотя бы выходить со страницы, которой интересуешься, – я довольно хохотнул.

– А я выбирала себе подарок ко дню рождения. Думала, что куплю, а потом просто поставлю тебя перед фактом, потому, что была уверена – ты снова будешь бурчать, будто у меня странное для женщины увлечение.

– Если я когда и бурчал, то формально, для видимости. Мне нравится твоё хобби. Я прекрасно помню, как дедушка Георгий хвастался своим студентам твоими достижениями в стрельбе, когда тебе было ещё десять лет. Мы, милая, нашими слабостями дополняем друг друга.

Жена осторожно, чтобы не вымазать грязным носом, поцеловала меня в щёку и умчалась в кладовку. Вскоре она появилась вновь, держа подмышкой ворох ветоши. Схватив винтовку, она убежала на второй этаж в оружейную комнату. Я достал из чемодана четыре большие пачки патронов и пошел следом.

В оружейной комнате горел яркий свет. Жена уже начала разбирать винтовку на большом и удобном столе, тщательно протирая детали ветошью, а я открыл оружейный шкаф. В арсенале жены были винтовки Winchester M1895, Springfield M1903, Springfield M21, Johnson M1941 и даже знаменитая и популярная в своё время AR-15, но гордостью её коллекции была снайперская винтовка PTR MSG 91. Сегодня у неё появилась ещё одна, снятая с вооружения, но от этого не ставшая менее ценной, дальнобойная до тысячи пятисот метров «снайперка».

– Она не пристреляна. Я специально попросил с не пристрелянной оптикой. Пристреливать сегодня будем? – я знал ответ, но всё равно спросил.

– Ага, – ответила жена, не отрываясь от своего занятия.

Я переоделся, выгнал из гаража старенький микроавтобус и сложил в него всё снаряжение, необходимое для стрельбы лёжа. Потом поднял голову вверх, намереваясь кликнуть детей, но те уже лежали на краю крыши и с любопытством наблюдали за моими действиями.

– На стрельбище? – спросил Арся.

– На стрельбище, – утвердительно ответил я. Детей с крыши как ветром сдуло.

Вскоре они появились возле микроавтобуса и начали укладывать в него свои вещи. Арся принёс мою любимую пневматическую винтовку FX INDY, шведского производства, которым он мог пользоваться с нашего разрешения или в нашем присутствии, а Женька притащил старенький пневматический револьвер Crosman, который я купил по дешёвке на одной из барахолок Минска. “Впрямь как банда какая-то, – подумал я, с усмешкой глядя на них: – Осталось мне притащить парочку своих мечей и можно выходить на большую дорогу.”

Пришёл Байрон. Он уселся возле машины и, высунув язык, стал внимательно наблюдать за нашими сборами. Малявка к этому времени давно сидела на заднее сидении, хотя знала, что никуда не поедет. Она, так сказать, просто принимала участие в сборах. Я отправил детей на кухню за термосом и бутербродами, а сам сел на траву рядом с Байроном. Пёс тщательно обнюхал моё ухо и, вздохнув, положил свою тяжёленную голову мне на плечо. “Интересно – подумал я: – Он когда-нибудь меня лизнёт, или нет?” Этот добродушный и бесконечно преданный пёс ещё ни разу никого из нас не лизал. Зато проявлял свои чувства тем, что легонько прикусывал своим хозяевам кожу передними зубами, порой оставляя небольшие тонкие синяки. Мы называли их собачьим поцелуем.

Всю дорогу, пока мы ехали по городу, в салоне микроавтобуса стояла тишина. Даже жена не болтала, поменявшись с Арсением местами, чтобы удобнее было созерцать подарок. Картинка в салоне в зеркале заднего вида открывалась моему взору ещё та – жена со снайперской винтовкой на коленях и рядом младший сын с пневматическим револьвером в руке. С того момента, как власти разрешили владение и ношение огнестрельного оружия, моя семья периодически, как, например, сегодня, больше была похожа на вооружённую до зубов шайку-лейку, а не на добропорядочное семейство. Когда машина выехала за город, Арся, сидевший рядом со мной на переднем сидении, решил нарушить молчание.

– Па, это был инопланетянин? Ну, тот человек, который вышел к НЛО, когда Арс был внутри?

– Да, инопланетянин. Только это не НЛО. НЛО, это когда нельзя опознать объект, а мы-то с вами знаем, что Арс действительно встретил космический корабль инопланетного происхождения, – я взглянул в зеркало и увидел, что два других пассажира, сидя на заднем сидении, навострили уши и подались вперёд.

– Выходит, что Арс неумышленно узнал его космолёт?

– Выходит.

– А про Гена ты ещё будешь рассказывать?

– Буду, но только в самом конце.

– Я бы хотел знать, что с ним стало и встретится он ещё с братом, или нет, – Арс с надеждой, что я отвечу ему, забегая вперёд повествования, старательно пытался заглянуть мне в глаза. Но я не отрывал взгляда от пустынной дороги.

– В любом случае, – ответил я. – Чтобы узнать это, тебе придётся набраться терпения.

– А ты не мог бы прямо сейчас продолжить рассказывать, пока мы едем?

Я снова бросил взгляд в зеркало и увидел, что оба слушателя с заднего сидения придвинулись ещё ближе.

– Хорошая мысль. Давай попробуем...

Арс обуял ужас. Впервые в жизни он испугался настолько сильно, что страх, который он испытал, мог обратиться в панику в любое мгновение. Перед ним по-прежнему была поляна,

только вовсе не та, на которой он обнаружил этот шар. Его взгляду открылся неведомый диковинный лес, полный совершенно незнакомых запахов, звуков и красок. Именно запахи повергли его в наибольший шок, когда он, не дожидаясь появления ступенек, выпрыгнул из шара. Запахи оглушили его, поразили настолько своей новизной и не узнаваемостью, что он даже зашатался на внезапно ослабевших ногах. Буйство чужих, не поддающихся определению запахов заставило Арса замереть на месте. В момент, когда ужас, завладевший им начал ослабевать, Арс наконец-то рассмотрел на краю поляны группу римских богов. Строением тела они мало чем отличались от людей и к тому же были ниже Арса ростом. Боги были абсолютно белые, бесполое и не имели лиц. Там, где должны быть лица, Арс рассмотрел только гладкие и блестящие овалы. По их напряжённым позам Арс понял, что они тоже не ожидали встретить его здесь.

Первое, что пришло Арсу на ум – это скрыться в шаре и подождать, пока боги вернут всё в прежнее состояние. Он обернулся и не обнаружил шара на месте. Шар, эта неподъёмная на его взгляд громадина, уплывал по воздуху за деревья подобно невесомому пёрышку, едва касаясь ветвей и макушек деревьев, покрытых листьями диковинной формы.

Зрелище улетающего шара сразило Арса окончательно. Наконец-то паника накрыла его с головой. Он попятился в глубину чужого мрачного леса, выхватив из ножен меч. Пальцы тряслись, с трудом удерживая рукоять меча, остриё которого выплясывало дикий танец перед глазами. Арс ни как не мог оторвать взгляда от танцующего кончика меча, но, как ни странно, ему стало легче. Почему-то именно мельтешение острия частично привело его в чувство. Однако, Арс по-прежнему не до конца осознавал происходящее, так сильно выбили его из колеи метаморфозы с поляной. Растерянность и злость, что он ни как не может совладать с собой и собственным мечом, подтолкнули его на необдуманный поступок. Впервые в жизни перед лицом опасности вместо того, чтобы сильнее сжать спасительное оружие, он отшвырнул его от себя. Но даже бросить меч, находясь в таком состоянии, Арс как следует не смог. Меч по высокой дуге полетел в сторону богов. Не преодолев и середины расстояния, он шлёпнулся в густую траву.

Блеск вращающегося в воздухе меча окончательно привёл Арса в себя. Осознав, что может так глупо потерять собственное оружие, он со всех ног ринулся к мечу. Один из богов, стоявший впереди группы, принял действия Арса за атаку и вскинул руку, в которой откуда ни возьмись, появилась короткая изящная палочка. Кончик палочки засветился, из него вылетела тонкая яркая молния, затем ещё одна. Арс невероятным образом увернулся от молний и ещё быстрее помчался к лежащему в траве оружию. Остальные боги также вкинули руки и открыли по Арсу хаотичный огонь. Видя, что до меча ему не добраться, Арс метнулся в сторону и устремился в лес. На его счастье ни одна молния не зацепила его.

Скрывшись от молний в глубине леса, Арс отдышался, а затем быстро, но осторожно пошёл по кругу вдоль края поляны, чтобы выйти на неё с другой стороны. Только сейчас он обратил внимание, что не только природа издавала незнакомые запахи, ведь даже воздух вокруг него стал пахнуть иначе. До того, как боги изменили окружающую поляну природу, он даже не задумывался про запах вдыхаемого воздуха, настолько тот был естественным и привычным. Сейчас в воздухе присутствовало нечто, от чего дыхание было лёгким и вызывало едва заметное головокружение. В то же время, во всём теле ощущалась некая тяжесть, которую Арс приписывал усталости. Всё это вызвало у него недоумение, но мысли об оружии быстро вытеснили его. Меч нужно было вернуть, во что бы то ни стало, а в душе теплилась надежда, что римские боги не заберут его себе.

Лес, по которому опасно пробирался молодой галл, был чем-то похож на дождевые леса Амазонии, но так как Арс никогда не был в тропиках, то увиденные им растения казались ему странными и чудными. По пути Арс отмечал для себя запахи новой растительности, запоминая их мгновенно. Эти запахи говорили ему, что растения безопасны и не являются

ядовитыми. Продвигаясь между деревьев, он высматривал подходящее для себя деревцо, и, увидев такое, быстро срезал его кинжалом. Уже на ходу он обрезал у деревца верхушку так, чтобы оставшаяся часть была на три головы выше него, затем тщательно заострил её с толстого конца и обрубил все имеющиеся ветви. Вложил кинжал в ножны и взвесил в руке получившееся копьё. Результат его удовлетворил, ведь таким копьём с расстояния тридцати шагов можно было убить лося.

Приблизившись к нужному месту, он присел на корточки и медленно, гуськом, стал продвигаться к краю поляны, не забывая осматривать всё вокруг на случай, если в траве скрывается какое-либо животное, но ни обоняние, ни зрение, не обнаружили ничего подозрительного и опасного. Мало того, вокруг него не было даже насекомых.

Наконец, из-за ствола толстого дерева он смог осмотреть поляну. Римских богов на ней не было. Арс поднял самодельное копьё над плечом, готовый метнуть его в любой момент и вышел из леса. Меч на поляне отсутствовал. На траве, в том месте, куда упал меч, был виден его чёткий отпечаток, и отпечатки следов бога, который подходил к мечу, чтобы забрать оружие, но Арс на всякий случай осмотрел всё вокруг, в надежде, что меч мог спружинить и отскочить в сторону. Закончив осмотр, Арс с сожалением констатировал, что остался без любимого оружия, владение которым давало ему максимальную защиту. Мало того, во время осмотра он пришёл к выводу, что боги улетели, ведь не было даже следов, по которым он собирался проследить, куда они ушли. В том месте, где боги стояли, трава была примята и истоптана, но откуда боги пришли и куда ушли, определить оказалось невозможным. Однако, даже сохранившиеся следы могли рассказать многое Арсу о тех, кто их оставил.

Арс, опустившись на колени, припал носом к траве. Он осторожно втянул в себя воздух, надеясь учуять запах животного, а не растительного происхождения. Попытка унюхать божественный запах оказалась тщетной. Запах травы был ему уже знаком, а вот запаха богов, к собственному разочарованию, он не обнаружил. Возможно, боги не пахнут.

Мир, окружавший его, изобиловал красками, запахами, звуками и формами, настолько отличными от тех, что он до сих пор знал, что за всё время пребывания здесь, Арс так и не смог обнаружить ни каких аналогий с тем миром, в котором он жил. Тем не менее, не смотря на это, Арс продолжал верить, что находится на той самой поляне, на которой он обнаружил шар, оказавшийся капищем римских богов. Боги римлян сыграли с ним злую шутку. Они изменили природу на поляне и забрали его вещи.

10

Огг шёл по длинному коридору, ведущему из кабинета в зал для совещаний. Он любил этот коридор. Его стены были сделаны из прозрачного пластика, за которым на небольшом расстоянии находилась объёмная панорама его родного города, создавая впечатление, что идущий находится в прозрачной трубе, висящей над городскими кварталами. Город менялся в зависимости от времени суток. Когда в городе наступала ночь, коридор освещался только городскими огнями и звёздами. Иногда Огг останавливался по одну или другую сторону коридора и, опёршись на перила, созерцал панораму. В такие минуты он представлял себя богом, парящим над городской суетой. Верхушки самых высоких зданий находились на уровне его глаз и, когда он задумывался, и уходил в свои мысли, ему мерещилось движение в окнах. Но сегодня он не видел всей этой красоты, так как был полностью погружён в обдумывание возникшей проблемы. Проблема состояла в том, что на планету-заповедник, которой он руководил, каким-то чудом проник землянин. Совет, обсуждавший решение проблемы, по определённым этическим причинам, решить её не смог. И вот сегодня повторное заседание. С варваром необходимо было что-то делать, пока он не нанёс животному миру заповедника непоправимый урон.

Заповедник, которым руководил Огг, находился на искусственном спутнике, летавшем по устойчивой орбите вокруг его родной планеты. Спутник был полым и аппаратура, позволявшая следить за состоянием заповедника, находилась внутри его, так же как гостевой комплекс для экскурсантов и жилой комплекс для зрителей заповедника. Эта же аппаратура создавала необходимую гравитацию и силовое поле, защищавшее искусственную атмосферу спутника от космической радиации и прочего влияния извне. Космические корабли опускались и поднимались на спутник через специальные силовые шлюзы над обоими полюсами спутника. По сути, спутник являл собой огромный космический корабль, собранный прямо на орбите, правда, без способности совершать гиперпрыжки в пространстве. Поверхность спутника была поделена по меридианам на шесть секций с различными климатическими особенностями, но сходной атмосферой и покрыта синтезированной почвой, максимально приближённой к натуральной почве тех планет, с которых были завезены растения и животные. В каждой секции создавалась гравитация, присущая родной планете проживавших в секторе животных. Эти секции так же были отгорожены друг от друга силовым полем, но уже несколько иного свойства. Силовое поле на границах секторов не позволяло животным проникать на территорию соседней секции и реагировало не на тепло или движение, а на уровень интеллекта, пропуская сквозь себя только разумные или мёртвые объекты. Со своим уровнем интеллекта Огг проходил сквозь силовое поле, не замечая его присутствия. Только приборы и изменившаяся гравитация говорили ему о наличии поля. Правда, на территорию заповедника выходить зрителям приходилось очень редко, в основном в качестве гида с очередной экскурсией. Даже в этом случае, перемещаться по поверхности пешком не было необходимости, так как экскурсионные группы парили над грунтом на недостижимой для животных высоте на специальных защищённых антигравитационных площадках, ведь многие экспонаты были не только большими, но и хищными.

На полюсах спутника находились стартовые площадки. Гравитация на площадках была максимально комфортной для Огга и других сотрудников заповедника. На эти площадки опускались и с них же улетали небольшие грузовые, экспедиционные и экскурсионные корабли. Площадки были расположены на плоских вершинах скал-башен, каждая из которых была около ста метров высотой и покрыты растительностью с родной планеты Огга. Они представляли собой большие поляны, окружённые лесом. Отсюда прибывшие посетители могли опуститься внутрь спутника, или отправиться на экскурсию. Именно на одну из этих площадок

прибыл незапланированный пассажир с третьей планеты, вращавшейся вокруг звезды с присвоенным номером Г2В-ЖК, на которой совсем недавно была обнаружена разумная жизнь.

Но не только присутствие на заповеднике случайного разумного инопланетянина омрачало настроение Огга. В большей степени его удручал тот факт, что его сын остался на чужой планете вместо этого молодого варвара. Сколько его не убеждали сотрудники и Совет, что сыну ничего не грозит, что он прекрасно подготовлен и адаптирован к чужеродной среде, в которой вынужден был остаться, Огг волновался и переживал, лишая себя сна и покоя. Как можно быть спокойным, когда твой единственный сын волею судьбы остался жить среди существ, которые практически никогда не расстаются с оружием. Какие бы доводы не приводили его друзья, все они разбивались в прах о мысль, что его сын геолог, а не солдат. Огг надеялся, что сыну хватит ума и трезвого расчёта не оставаться на месте, а идти в горы и встретиться там с зоологической экспедицией. Тем более, что вшитый под кожу навигатор поможет ему найти экспедицию без особого труда.

Но пока на повестке дня стоял пришелец, в отношении которого Совет в своё время решил ограничиться наблюдением. Старейшины, будучи уверенными, что пришелец не сможет спуститься со скалы непосредственно в заповедник, решили, что нужно дать ему возможность истощить и ослабить себя, а затем схватить его и усыпить в криокапсуле до окончательного решения его судьбы. Огг предложил обездвигить инопланетянина капсулой со снотворным, выстрелив ею из пневматического оружия, но Совет помнил, с какой ловкостью увернулся пришелец от электрических разрядов. Распылить усыпляющий газ над стартовой площадкой, Совет так же не захотел, ведь наблюдение за этим представителем иной цивилизации в таких необычных условиях, могло дать ряд ценных сведений.

Сотрудники заповедника наблюдали за пришельцем четверо суток. Сутки их родной планеты по продолжительности совсем незначительно отличались от тех, которые были присущи планете молодого варвара. За это время юноша развил на стартовой площадке бурную деятельность. В первый день он обошёл её по кругу и убедился, что находится на высокой скале, спуск с которой без подручных средств невозможен. После этого молодой пришелец нарезал множество тонких лиан, из которых сплёл длинную верёвку, смастерил себе примитивный лук со стрелами и заготовил два десятка коротких, в локоть длинной, кольев. Заточив колья с одного конца, он два часа тренировался, метая их в большую кочку. Колья пришелец повесил на сплетённый из тонких лиан пояс. Всё это время он оставался без еды, ежедневно выпивая небольшое количество сока лиан. Чтобы собрать сок, юноша крутил кульки из больших кожистых листьев одного из кустарников, которые прикреплял щепками к стволу толстой лианы, предварительно сделав на нём множество мелких v-образных надрезов. На пятые сутки, после очередного короткого сна, он притащил к краю площадки большой моток самодельной верёвки, привязал один её конец к ближайшему дереву и сбросил моток вниз. Затем ухватился за верёвку и начал спуск.

Сотрудник, который в это время дежурил у мониторов, воспринял ситуацию чрезвычайной и созвал всех. Огг, оценив действия пришельца, решил оставить всё как есть. Возможно, кто-то счёл бы такое решение далёким от понятий сострадание и гуманность, но посылать своих сотрудников на спасение этого существа, Огг расценил, как не позволительное. Рисковать здоровьем и, возможно, даже жизнью своих людей, спасая одно опасное создание, спускавшееся по верёвке, от зубов и когтей другого, ещё более грозного порождения природы, которое обитало в данном секторе, Огг посчитал неправильным и никто не смог бы переубедить его в обратном.

Хтор заметил спускавшегося по верёвке юношу в самом начале его спуска и, приседая на шести мягких лапах начал продвигаться к тому месту, где добыча должна была опуститься на землю. В соседнем секторе спускающегося паренька заметило ещё одно не менее опасное животное, скрытое кроной дерева, росшего совсем рядом со скалой, но на него наблюдавшие

за пришельцем сотрудники не обратили внимания, так как знали, что через силовой барьер этому хищнику не пробраться.

На единственной планете, вращавшейся вокруг звезды К74-БК, хторы были вершиной пищевой цепи. Шестилапые кошки, отдельные самцы которых достигали в холке полутора метров высоты, более шести метров длины, а весом доходившие до семисот килограмм, были идеальными убийцами, так как в дополнение к мощи, свирепости и ловкости обладали великолепной мимикрией. Поверхность их безволосой кожи не содержала ни одного пигмента. Зато изобиловала нанокристаллами, способными менять характеристики отражённого света, настраивая цвет кожи животного соответственно краскам окружающего мира. Крадущийся к добыче хтор был практически невидим, настолько он сливался с местностью. В дополнение к этому он был способен изменять собственный запах, делая его максимально приближённым к запаху своей жертвы, вводя её в заблуждение вплоть до момента молниеносной атаки.

Те из сотрудников заповедника, кто наблюдал за воинственным и смелым мальчишкой понимали, что шансов выжить в секции, где властвовал кровожадный хтор, у него нет. К тому же, они прекрасно осознавали, что со спуском на территорию заповедника, парень однозначно подписывал себе смертный приговор, так как в каждой секции имелись опасные и жестокие хищники, столкнувшись с которыми он навлекал на себя смертельную опасность. В то же время, смерть юноши решала все проблемы, возникшие с его появлением на спутнике.

Спускавшийся практически на границе двух секторов варвар, словно специально выбрал секции, в которых жило только по одному хищнику. И это был единственный плюс в таком выборе места для спуска, ведь оба эти хищника превосходили в степени своей опасности всех остальных вместе взятых хищных обитателей заповедника.

За четыре дня наблюдения за гостем, сотрудники заповедника уже успели свыкнуться с присутствием представителя иной цивилизации. Мало того, они прониклись к нему симпатией и сочувствием. Когда высота, разделявшая юношу от затаившегося внизу хтора сократилась до критической, все свободные от дежурства биологи и экскурсоводы, не сговариваясь, вышли из помещения. Они всего лишь хотели оградить себя от созерцания кровавой сцены. Сотрудники столпились в широком коридоре возле дверей координационной комнаты и молчали. У мониторов остались только Огг и дежурный техник. Через минуту за дверями координационной комнаты послышался возглас удивления. Ожидавшие в коридоре сотрудники начали недоумённо переглядываться, а затем, сорвавшись с места, гурьбой бросились обратно к монитору.

К их удивлению, пришелец был цел и невредим. К тому же, он оказался не в том секторе, где жизнями обитателей распорядился хтор, а рядом, в соседнем. В том самом секторе, который никто не рассматривал в качестве места для приземления юноши. Хищник, обитавший в этой части заповедника, не обладал мимикрией и длинными когтями. У него не было цепких лап и грозных клыков. Он обладал большим мощным клювом, жил в верхушках деревьев и передвигался по всему сектору, перебираясь с ветки на ветку. Он был полупрозрачным, что затрудняло возможность обнаружить его среди листьев, в пестроте теней и света и спускался на землю только за добычей. Но даже спуском такое перемещение назвать было сложно, так как он просто сваливался жертве на голову. Звали его кор-кор.

Кор-кор был сухопутным головоногим моллюском с двенадцати щупальцах и внешне сильно напоминал морского осьминога с Земли, о чём обязательно упоминали зрители, проводя экскурсию по этому сектору. Но сейчас он ни чем не напоминал того славного охотника, каким был всего минуту назад, так как лежал мёртвой бесформенной кучей за спиной юноши, а из центра этой кучи торчала остриём вверх длинная заточенная палка, заменявшее пришельцу копьё. Та самая палка, которая во время спуска висела притороченная лианой поперёк его спины.

Юноша стоял в нескольких шагах от силового барьера и не сводил взгляд с хтора. То, что он видит фактически незримого хтора, не вызывало никаких сомнений. Кроме всего про-

чего, было очевидно, что он уверен в своей безопасности, словно знает, что сквозь барьер хищнику да него не добраться. Хтор в свою очередь, был сбит с толку тем, что добыча так неожиданно ускользнула от него. Он кружил на одном месте, не издавал ни малейшего звука и бросал яростные взгляды на недосыгаемую жертву. Все животные заповедника уже давно знали о присутствии силового поля. Рано или поздно они сталкивались с ним и больше не предпринимали попыток пробраться сквозь него. Так уж случилось, что хтор был первым, кто испытал на себе воздействие барьера. Хтор знал, что не может добраться до добычи, но и уйти несолоно хлебавши, он пока не мог.

Сотрудники, не ставшие свидетелями разыгравшейся трагедии в секторе с кор-кором, засыпали Огга вопросами. Пока Огг пытался восстановить происшедшее на словах, молодой варвар снял с пояса несколько метательных кольев. Он сделал один шаг силовому барьеру, тем самым ещё больше сокращая расстояние между собой и хищником, что выписывал круги в нескольких шагах от него. Скорость, с какой он поочерёдно метнул колья в тело хтора, была просто невероятной. Четыре гладких, остро заточенных колышка успело войти в бок хтора почти целиком, прежде чем обезумевший от боли зверь бросился на силовой барьер. Хтор встал на задние лапы во всю длину своего гигантского тела, пытаясь остальными четырьмя конечностями прорвать препятствие, отделявшее его от обидчика, но в результате этой опрометчивой атаки, ещё два снаряда воткнулись в его тело с левой стороны между верхними и средними лапами. Они воткнулись в то место, где как посчитал ставший из добычи охотником юноша, могло находиться у зверя сердце. Он не ошибся. Хтора был обладателем двух сердец и оба сердца оказались пронзёнными насквозь. Впервые за время пребывания в заповеднике хтор издал звук. Это не был рёв или рык. Звук был коротким, похожим на крик человека. Крик этот был полон боли и страха. Хтор осел на задних лапах, медленно заваливаясь набок. Он был мёртв.

Когда все зрители, находившиеся в координационной комнате, оправались от происшедшего, Огг лично сел за пульт. В течение получаса вновь и вновь он прокручивал запись нападения хрупким мальчишкой на двух страшных монстров и чем дольше он смотрел на его отточенные движения, тем больше в нём росла уверенность, что действия паренька были тщательно спланированы. Не было ни каких сомнений, что во время обхода он определил для себя, наличие силовых барьеров. Иначе и быть не могло, ведь со стартовой площадки прекрасно видны границы секторов, обозначенные различными типами растительности и ландшафта. Эти границы ровными линиями уходили за горизонт. Но как он мог обнаружить хтора и кор-кора? ...

Я высунулся из кабины и нажал кнопку, расположенную на столбе, что стоял перед въездом на стрельбище. Ворота, преграждавшие нам путь, начали подниматься и я, включив передачу, медленно въехал на территорию стрельбища. Сегодня, когда электромобилей, передвигающихся по дорогам, становилось всё меньше и меньше, наличие удобных парковок для них было редкостью, так как все стремились летать, а не колесить дедовским способом. Для летающих авто, посадочные площадки сооружались отдельно и въезд наземного транспорта был на них запрещён. На стрельбище, надо отдать должное его руководству, парковка стационарного типа имела. Завернув на парковку, я остановил машину и заглушил двигатель. Пока я оплачивал по терминалу пользование тиром, моя семья успела вытащить всё необходимое из микроавтобуса, затем пройдя под навес, расположилась для стрельбы. Сегодня мы были здесь одни. Я подтащил пластиковое кресло поближе к рубежу, на котором улеглась жена. Усевшись, я достал из чехла бинокль, приблизил его к глазам и отрегулировал резкость. Дети убежали в пистолетный тир, подальше, с глаз долой, но я не волновался за них, так как в плане дисциплины при проведении стрельб они были вымуштрованы на пять баллов. К тому же, Арсений у нас с рождения был парнем серьёзным и вдумчивым.

Когда мишень уехала на километровую отметку, жена, лежавшая на рубеже ведения огня со своей винтовкой, перевернулась на спину и спросила:

– Я на радостях от такого подарка забыла узнать, как обстоят твои дела на работе. Проблему решили?

– Нет, не решили. Мало того, мы провели ещё один консилиум и большинством голосов постановили отказаться от нагрева объекта до предельных температур.

– И что теперь? Секретность с объекта сняли?

– Нет. Но снизили её уровень.

– Так рассказывай, не томи! – у жены загорелись глаза в ожидании раскрытой тайны, но я, с некоторым для себя удовольствием вынужден был её огорчить.

– Всё, что тебе можно знать с этим уровнем секретности, я уже давно рассказал, нарушая высшую степень тайны, – в ответ на мои слова жена звонко рассмеялась, затем повернулась на живот и зарядила винтовку.

– Дома поговорим, – весело заявила она, не отрываясь от окуляра прицела...

Позже, когда Огг получил возможность поговорить с Арсом, он, наконец, узнал, что справиться с двумя хищниками за одну минуту пареньку помогло не чудо, а умение понимать природу на животном уровне не доступном ни Оггу, ни его соплеменникам. Миллионы лет эволюции стёрли такую способность из генома Огга за ненадобностью, да и среди жителей планеты Земля, отстающих в развитии от цивилизации Огга на десятки тысяч лет, животная составляющая становилась со временем всё меньше и меньше. Арс представлял собой едва ли не единственный экземпляр развитого интеллекта и великолепно работающих звериных инстинктов. От его внимания при выборе места спуска не ускользнули ни разделительные линии секторов, ни животные, которые были доступны его взгляду. Арс сразу догадался, что какая-то сила не даёт животным переходить из сектора в сектор. В то же время, у его не было ни капли сомнения, что боги могут пересекать эти линии без проблем. А так как физически он мало чем от них отличался, Арс тут же уверовал в то, что он сможет беспрепятственно путешествовать по миру римских богов.

В трёх из шести секторов он обнаружил присутствие хищников сразу. По каким-то, понятным только им причинам, не смотря на то, что они находились очень близко друг к другу, звери выбрали для своего логова территорию у основания башни-скалы, на которой находился Арс. В секторе, расположенном за территорией, где проживал кор-кор, Арс смог увидеть стаю животных, смутно напоминавших волков, только значительно превосходящих их в размере. Арс насчитал одиннадцать особей, но предположив, что они обладают схожим поведением в стае, он пришёл к мнению, что их может быть и больше. Какая-то часть их могла отдыхать под деревьями, а кто-то находится в разведке, выискивая еду. Зная, что одному, спустившись на их территорию, с ними ему не справиться, молодой галл отбросил мысль начать освоение мира богов с этого сектора.

Три сектора, где он никого не увидел, Арс отметил именно из-за неизвестности. Оставались ещё два сектора. В секторе, где проживал кор-кор, самого «хозяина» сектора он не обнаружил, но по одиноко растущему у самой скалы дереву и белевшим под ним костям, он понял, что его враг скрывается в кроне этого дерева. Как выглядел живущий на дереве зверь, Арс определить не мог, зато прекрасно видел крону, в которой он жил. Прикинув на глазок толщину веток, юный галл решил, что зверь должен быть не крупным и не тяжёлым. Если бы Арс знал, что благодаря строению тела кор-кор распределял свой вес на несколько веток одновременно, он не был бы таким опрометчивым, бросаясь сломя голову в его сектор.

Хтора он вычислил не только по логову, устроенному у подножья скалы. Этот огромный зверь, даже будучи почти полностью невидимым, не мог передвигаться по траве, не приминая её, потому сверху перемещения хтора были видны словно на ладони. На счастье Арса, помимо признаков, рассказавших ему о существовании, с которым ему суждено было встретиться внизу, мальчишке выпала возможность увидеть властителя сектора собственными глазами. Произошло это в тот момент, когда Арс впервые подошёл к краю скалы. Хтор, невидимый и неслы-

шимый, отдышал на жёлтом песке в сотне метров от логова. Услышав, что кто-то сверху на скале, не скрываясь, приближается к краю, хтор, движимый любопытством, скользнул в траву в направлении своего логова.

В природе не существует ничего идеального, так как достижение стадии идеала в процессе развития, является концом эволюции. В любом самом совершенном проявлении природы при ближайшем и тщательном рассмотрении всегда можно найти хоть один крошечный изъян. У такого, казалось бы, идеального хищника, каким являлся хтор, так же имелся недостаток, который выдавал его внимательному наблюдателю с головой. Ахиллесова пята, присущая этому грозному зверю проявлялась в движении, ведь смена окраса животного не проходила мгновенно и при быстром перемещении или рывке не совпадала с окружающей обстановкой. Арс успел разглядеть хтора, который направлялся к скале, во всей красе и именно в этот момент у него созрел план.

Но пока ничего этого Отг не знал. Пока он раз за разом просматривал запись происшедшего в замедленном и приближённом режиме и удивлялся способностям юноши всё больше и больше. Как этот варвар почувствовал, что хтор изготовился к прыжку, ведь именно в этот момент он оттолкнулся от скалы в сторону сектора, где затаившись среди ветвей, за ним внимательно наблюдал кор-кор? То, что юноша руководствовался запахами, исходящими от хтора, Отгу даже не пришло в голову. Хтор, крадущийся по мягкой траве менял запах без перерыва, ведь его организм силился подобрать собственную пахучесть максимально приближённо к запаху его неожиданной жертвы. К счастью для его добычи и к несчастью для самого хтора, природа не заложила запахов живых существ с далёкой-далёкой планеты в его генетически выверенную эволюцией «аромотеку». Перед атакой хтор выдал такой мощный выброс запахов, что молодой варвар не мог ошибиться в выборе нужного для него момента. Благодаря самому хтору, действия юноши были рассчитаны безупречно, с математической точностью и выполнены просто безукоризненно.

Отг снова и снова отматывал изображение назад, а затем, не отрывая восторженного взгляда от экрана, наблюдал, как гибкий и стремительный юноша пролетает сквозь силовой барьер, на лету снимая со спины копьё. Через мгновение он приземляется у корней дерева и, сделав кувырок через голову, оказывается непосредственно под сидящим в засаде кор-кором. Вот он вскидывает голову и камера, установленная среди ветвей, показывает, как сосредоточенное выражение его лица на мгновение меняется на удивлённое. Это он увидел того, кого решил убить первым. Всего лишь мимолётное удивление, затем острый изучающий взгляд на уже начавшего своё падение монстра, и новый кувырок вперёд. Мгновенный разворот и вот смелый юноша уже стоит в оборонительной стойке, а в руках острые пятидесятисантиметровые колья. Но колья метать ни к чему, так как главное оружие в этой битве – копьё. Оно осталось торчать в месте падения кор-кора. Кор-кор, руководимый инстинктом убийства, спрыгнул с ветки. С растопыренными во все стороны толстыми двухметровыми щупальцами он в этот момент больше похожий на гигантское диковинное зонтичное соцветие, чем на животное, падает на копьё, пронзая собственное тело собственным весом. Коснувшись земли, кор-кор выбрасывает щупальца вверх в попытке вырвать копьё из своей утробы, но тщетно, так как жизненные силы уже покинули его. Молодой варвар даже взглядом не задержался на бьющемся в конвульсиях чудище, ведь он был сконцентрирован на новой цели.

Убив хтора, пришелец первым делом разрезал ему брюхо и начал разбирать внутренности, тщательно приносясь к каждому органу. Отложив на траву печень, он открыл хтору пасть и вырезал язык. Затем собрал большую кучу хвороста и некоторое время возился, добывая огонь, высекая искры камнями, которые он заготовил ещё во время своего нахождения на вершине скалы. Разложив вокруг костра большие плоские валуны, молодой варвар подождал, пока они наберут жар от огня. Затем он нарезал тонкими ломтями язык и печень хтора и разместил кусочки на раскалённых камнях. Впервые за пять дней он наелся от пуза. После обиль-

ной трапезы, юноша достал из тел своих жертв копье и колья, надел на себя свою амуницию и направился вглубь сектора на разведку. Так в заповеднике, руководимом Оггом, появился хищник, страшнее которого Огг не знал.

Охотился пришелец двумя способами – на ночь расставлял силки, а днём выслеживал добычу и убивал с помощью лука, или копья. Остатки добычи и внутренности он относил к барьеру, за которым жила стая волкоподобных животных и бросал потроха в разных местах для привлечения хищников. На седьмой день пребывания в заповеднике, юноша смог убить двух из них и одного ранить. Способ убийства, испытанный на хторе сработал и в данном случае. Шесть особей волкоподобных тварей, осведомлённые о барьере, несколько не опасались юношу и привлечённые запахом крови смело подошли к силовому полю, в надежде, что смогут поживиться. Взамен трапезы трое из них получили в бок смертоносный снаряд, пущенный сильной и меткой рукой. Два зверя остались лежать у барьера, а третий, не смотря на то, что был пробит насквозь в области живота, сумел уползти. Варвар, видя, как раненный зверь уползает к кустам, цепляясь острием торчащего из бока колышка за корни травы, хотел пройти сквозь барьер и из милосердия добить животное, но потом подавил свой порыв и уселся на корточки, наблюдая за затянувшейся агонией. Он надеялся, что стоны смертельно раненного умирающего зверя привлекут остальных членов стаи и у него появится шанс убить кого-нибудь из них. Но ожидания оказались тщетными. Животное стонало всё тише и тише, а через два часа, наконец, издохло в одиночестве.

Огг, видя, что варвара интересует не только эта стая, но и обитатели секции расположенной за секцией хтора, забил тревогу. В его так тщательно досматриваемый заповедник, который он любил и которым гордился, медленно входил хаос. Пришелец, свалившийся на территорию заповедника с небес словно кара, уже нанёс его обитателям ощутимый урон и, похоже, не собирался останавливаться. Повторное заседание Совета обязано было решить эту проблему.

11

Все двадцать шесть членов Совета просматривали видео, где пришелец спускается в заповедник и атакует двух хищников. Огг, сидя в глубоком и удобном кресле перед мониторами, посчитал весьма увлекательным наблюдать, как меняются выражения их лиц по мере просмотра. Огг не являлся членом Совета, а его присутствие на Совете обычно сводилось к роли простого консультанта. Когда видео закончилось, а никто из членов Совета не издал и звука, Огг, глядя на растерянные физиономии советников, позволил себе кашлянуть, с целью привлечь к себе их внимание. Он знал, что нарушает этикет, но считал, что обсуждение должно начаться с его выступления. На всех мониторах лица советников повернулись к нему. Председатель Совета вытер лоб носовым платком и обратился к Оггу:

– Без обсуждения скажу, что у нас есть только два варианта решения этой проблемы. Они были ещё с самого начала, но мы опрометчиво понадеялись, что интеллект и физические способности данной особи намного ниже, чем оказалось на самом деле. Мы решили, что у нас есть время и поплатились за бездеятельность. Сколько экземпляров животных мы уже потеряли?

– На данный момент одиннадцать, из которых семь хищников, один грызун и три травоядных. Он помимо уничтожения потенциально опасных для его существования животных ещё охотится с целью пропитания, – Огг нажал кнопку и на мониторе каждого советника появились изображения убитых животных.

– Он ест так много мяса? – Председатель совета ткнул пальцем в расположенный перед ним экран, благодаря чему на экранах остальных участников совещания осталась только одна картинка, на которой был изображён убитый грызун. Грызун напоминал кенгуру. Правда, в отличие от кенгуру, этот зверь обладал большими мощными передними лапами, которые использовал для рытья глубоких, разветвлённых нор.

– Нет, ежедневный объём пищи, который съедает пришелец не больше того объёма, что потребляем мы.

– Тогда зачем убивать животных таких больших размеров? Этот олхоя, – Председатель снова ткнул в изображение «кенгуру» пальцем, – по весу составит месячную норму мяса среднестатистического жителя нашей планеты. Такое расточительство не говорит о высоком интеллекте.

– Мясо олхоя ядовито. На олхоев охотятся только хторы, так как их желудок вырабатывает ферменты, способные нейтрализовать все известные нам природные виды ядов. Когда пришелец понял, что мясо ядовито, он бросил тушу олхоя и продолжил охоту на других животных.

– Вы хотите сказать, что пришелец до сих пор жив только потому, что без лабораторных исследований способен отличить токсичное мясо от нетоксичного? – в голосе Председателя сквозило недоверие.

– Именно так. Вы не поверите, но он определяет качество пищи на нюх. Причём, это относится не только к мясу животных, но и к растениям. Пришелец может принюхиваться долго, а может быстро. Когда сомневается, растирает кусочки исследуемого вещества в ладонях и нюхает, нюхает, нюхает. Может отложить свои изыскания на какое-то время и заняться другими делами, а потом вернуться и снова начать нюхать, – Огг, сохраняя каменное выражение лица, с удовольствием наблюдал, как поражённые советники начали переглядываться между собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.